

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(НИУ «БелГУ»)

ИНСТИТУТ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Кафедра русского языка, профессионально-речевой
и межкультурной коммуникации

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО В ЯЗЫКОВОЙ
КАРТИНЕ МИРА НА ПРИМЕРЕ РУССКОЙ СКАЗКИ**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки 45.04.01 Филология
очной формы обучения, группы 04011531
Евстратова Марка Олеговича

Научный руководитель -
Доктор педагогических наук,
профессор кафедры русского
языка и межкультурной
коммуникации
Самосенкова Т.В

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА 1. Теоретическое основание изучения имен собственных русских народных сказок.....	9
1.1 Антропоцентрический подход к интерпретации русских сказок	9
1.2 Когнитивные аспекты национально-языковой картины мира	17
1.3 Языковая личность как объект изучения.....	28
1.4 Лингвокультурологический потенциал русских народных сказок	31
Выводы по ГЛАВЕ I.....	38
ГЛАВА 2. ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В РУССКИХ СКАЗКАХ	39
2.1 Имя собственное как объект исследования.....	39
2.2 Прецедентность имен собственных главных героев русских сказок	50
2.3 Прагматический потенциал имен собственных в русских сказках	58
Выводы по ГЛАВЕ II.....	63
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	65
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	68
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ	75
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА	75

ВВЕДЕНИЕ

Развитие лингвистической науки в ее когнитивной направленности обуславливает устойчивый интерес к проблеме формирования и функционирования концептов в языке. Термин «концепт» прочно вошел в отечественную лингвистику. Изучение концептов и до сегодняшнего времени остается значимым, т.к. включенные в них значения составляют содержание национального языкового сознания и формируют картину мира языковой личности (Э.С. Азнаурова, Н.Н. Болдырев, С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, Е.С. Кубрякова, Д.С. Лихачев, З.Д. Попова, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин и др.)

При изучении человеческого фактора в языке традиционно применяется комплексный подход (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Ш. Балли, Э. Бенвенист, М.В. Всеволодова, Г.А. Золотова, В.Г. Гак, Ю.Н. Караулов, Б.А. Серебренников, Н.И. Формановская и др.) в котором зачастую проявляется приоритетность интегрального подхода в языкознании, который позволяет изучать языковые явления одновременно в нескольких направлениях. Взаимодействие антропоцентрического и когнитивного подходов позволяет получить наиболее полные сведения о специфичности и универсальности языковых средств и способов выражения авторской точки зрения на явления действительности.

В этом плане представляют значительный интерес имена собственные, представленные в сказках, как отражение русской языковой картины мира. Русские имена собственные, фигурирующие в сказках, представляют несомненный интерес для семантического и прагматического описания. Среди большого количества работ, посвящённых лингвистическому анализу фольклорных произведений, имена собственные героев сказок рассматривались с точки зрения семиотики, а с точки зрения семантики и лингвокультурологии практически не исследовались.

Исходным пунктом исследования послужило мнение о том, что фольклорные сказочные тексты являются фундаментальными константами национального менталитета и национальной культуры любого лингвокультурного социума. Сказочный текст, являясь материальным воплощением знаний, мыслей, традиций, обычаев, представлений, передает особенности национального характера, мировосприятия. Отметим, что имена собственные всегда играли особую роль в жизни общества. Действительно, традиционно общение начинается с представления. В древности это имело и практическую пользу, так как имя несло в себе зачастую и род занятия человека, и его родословную, что позволяло понять статус конкретного человека, следовательно, имена собственные чрезвычайно важны для осуществления общения. Имена собственные занимают особое место в процессе языкового отражения явлений объективной действительности, выражения разнообразных связей и отношений в языковой картине мира. Интерес к анализу семантических и коннотативных характеристик имен собственных в русском языке мотивирован тем, что данные языковые средства, являясь малоизученным пластом слов, актуализируют, кроме собственно семантической, такие важные коммуникативно-языковые сферы как эмоциональная, оценочная, концептуальная. Этот разнообразный по своему семантико-смысловому объему круг явлений фиксируется в языковой картине мира. Естественно поэтому, что исследование имен собственных героев русских сказок на семантическом уровне видится, с одной стороны, как сфера преломления человеческого фактора в языке вообще, а с другой стороны, как яркая специфичность антропоцентрических средств проявления языковой картины в конкретном языке. В концептосфере каждого народа есть множество концептов, имеющих яркую национальную специфику, многие из них «руководят» восприятием действительности, пониманием событий и явлений, обуславливают национальные особенности коммуникативного поведения народа. Среди них имена собственные занимают особое место, т.к. помогают правильно понимать мысли, поведение

другого народа. Описание содержания подобных концептов является исключительно важным [Стернин 2003:75].

Таким образом, **актуальность** исследования обусловлена необходимостью описания прецедентных имен собственных героев русских сказок. Подобный подход определяется востребованностью такого рода исследований в рамках синтеза антропоцентризма и когнитивной лингвистики.

Объектом исследования являются имена собственные героев русских сказок.

Предмет исследования – характеристики имен собственных героев русских сказок.

Материалом для исследования послужили традиционные сказочные произведения.

Целью работы является изучение лингвокультурного концепта имени собственного и анализ имен собственных в плане выявления их свойств и характеристик в коммуникативном аспекте.

Для достижения поставленной цели требуется решение следующих частных задач:

- 1) исследовать концепт прецедентных имен собственных в русских сказках;
- 2) описать понятийные характеристики имени собственного в русских сказках, определить универсальные и специфические способы использования имен собственных;
- 3) выявить и описать наиболее употребительные имена собственные героев русских сказок;
- 4) системно проанализировать семантические и коннотативные аспекты имен собственных героев русских сказок;

Методологической базой исследования послужили работы лингвистов в области: антропоцентризма (Н.Д.Арутюнова, Ш.Балли, Э.Бенвенист, В.Г.Гак, Ю.Н.Караулов, Б.А.Серебрянников, Т.В.Шмелева); когнитивной

лингвистики (Ч. Филмор; А.Е.Кибрик; З.Д.Попова; И.А.Стернин; Е.С. Кубрякова ;В.З.Демьянков)

Для семантического описания имен собственных героев русских сказок необходимым комплексно использовать различные **методы исследования**. В качестве таких методов в работе выступили описательный, индукция и дедукция. Описательный метод применялся для системного описания теоретического и иллюстративного материала. Дедуктивный и индуктивный метод позволил собрать и задокументировать конкретные языковые явления.

Практическая ценность данной работы заключается в том, что материалы исследования могут найти применение в учебном процессе, чтении специальных курсов, практических занятиях по проблемам интерпретации фольклорного текста.

Научная новизна исследования обеспечивается обращением к проблеме описания семантических особенностей имен собственных, используемых в русских сказках, а также необходимостью систематизации и комплексного многоаспектного описания данного концепта. Новым представляется рассмотрение имен собственных как отдельных коннотативных и семантических инструментов русского языка. Проведенное исследование функциональных возможностей имен собственных в русских сказках позволяет в новом свете увидеть свойства рассматриваемых языковых элементов как репрезентантов национальной картины мира.

Проведенное исследование позволяет вынести **на защиту** следующие **положения**:

1. Анализ текстов фольклорной литературы позволил сделать вывод о том, что в ней, как во вторичной реальности, имя собственное выполняет функцию знака: в мифологическом мышлении имя и человек неотъемлемы друг от друга. Имя героя сказки также неотъемлемо от него и является его сущностью.

2. Семантика сказочного имени собственного связана с семантикой нарицательного имени, в результате чего смысловое имя, именуемое в зарубежных лингвистических исследованиях именем-прозвищем (nickname), в основе своей содержит свойства, как личного имени, так и имени нарицательного. В связи с этим смысловое имя как особый вид наименования объекта, способный одновременно означать и обозначать, обладает не только индивидуализирующим, но и классифицирующим значением.

3. Смысловые фольклорные имена, функционирующие в сказочном дискурсе, не только выполняют в тексте сказки оценочную, экспрессивную и эмотивную функции, но и раскрывают ее подтекст.

4. Исследование показало, что сказочный контекст крайне важен для понимания системы имен собственных литературного произведения. Анализ сказок подтверждает тот факт, что имена собственные использовались в произведениях на протяжении всей истории развития литературы, причем использовали их намеренно, преследуя определенные цели — например, полнее раскрыть характер персонажа, познакомить читателя со своей трактовкой сюжета. При этом учитывалось и восприятие определенного имени в массовом сознании, что могло использоваться для обыгрывания образа персонажа. Соответственно, были прослежены литературные контексты употребления некоторых наиболее частотных и значимых в сказках имен собственных (Иван, Марья).

5. Анализ справочной литературы (справочников, словарей имен собственных и лингвострановедческих энциклопедий) показал разрозненность и недостаточность содержащихся там сведений. Дальнейшие исследования в этом направлении дадут возможность описания и представления в систематизированном и интегрированном виде межкультурных знаний, содержащихся в именах собственных как особых

знаках, заключающих в себе огромный объем самой разнообразной информации.

Структура работы определяется целями и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, двух частей, включающих в себя главы и выводы к главам, заключения, списков научной, справочно-библиографической литературы.

ГЛАВА 1. Теоретическое основание изучения имен собственных русских народных сказок.

1.1 Антропоцентрический подход к интерпретации русских сказок

Развитие понимания личности человека и его индивидуализма в современном мире повлияло не только на общество, но и на все то, что в повседневности соприкасается с человеком и им осмысливается. В лингвистике, как в науке, которая непосредственно изучает явления, напрямую связанные с человеком, начало формироваться особое внимание к языковой личности человека, в котором сочетается как минимум знание языковых возможностей родного языка и личное осмысление и переработка этих возможностей, которые, проходя через призму личности человека, приобретают особое значение в языковой жизни индивида. Антропоцентризм представляет собой целую систему мировоззрений, которая ставит человека в положение условного центра вселенной. Н.А. Бердяев писал, что «познание человека покоится на предположении, что человек – космичен по своей природе, что он – центр бытия» [Бердяев, 1916:52]. Такое понимание человека, его места и роли в мире, по сути, является основополагающим принципом философии антропоцентризма, что позволяет его последователям через изучение человека изучить конечный предмет исследования.

Рассматривая антропоцентризм в разрезе современного научного мировоззрения, можно констатировать, что антропоцентризм - это прежде всего такой научный подход, при котором изучаемый объект зависит от человека и его целеполагающей деятельности. Однако, если рассматривать частные проявления антропоцентризма в том или ином направлении, можно увидеть, что антропоцентризм представляет в каждом отдельном случае нечто свое и проявляется специфическим образом. В этом случае, антропоцентризм в лингвистике представляет собой изучение человеческого

фактора в языке, человека как языковой личности, включенной в коммуникативный процесс. В настоящее время в мировой лингвистике наблюдается процесс, при котором значительно меняется вектор развития языкознания, постепенно отходя от изучения вопросов, связанных с формальным устройством языка, к рассмотрению его параметров. В связи с этим, лингвистика все чаще обращается к источнику функционирования языка, то есть человеку, как субъекту языковой деятельности.

Одним из самых ранних проявлений антропоцентрических идей являются в языкознании работы В. фон Гумбольдта, который писал, что: «о каком бы предмете ни шла речь, его всегда можно соотнести с человеком...» [Там же: 161-162]. Антропоцентризм позволил учёному рассмотреть «функционирование языка в самом широком его объеме – не просто в его отношении к речи..., но в его отношении к деятельности мышления и чувственного восприятия» [Гумбольдт, 1985: 75].

Развитием гумбольдтских антропоцентрических идей занялся французский лингвист Э. Бенвенист, благодаря чему были введены в научный лингвистический оборот «антропоцентрические» понятия субъективности языка, автора, адресата, дискурса. Ученый считал, что «невозможно отобразить человека без языка и изобретающего себе язык. В мире существует только человек с языком, человек, говорящий с другим человеком, и язык, таким образом, необходимо принадлежит самому определению человека. Именно в языке и благодаря языку человек конституируется как субъект» [Бенвенист, 2002: 293].

Начало развития антропоцентрических идей в российской лингвистике традиционно приписывается В.В. Виноградову, который сумел всесторонне рассмотреть сферу художественного текста с авторской стороны [Виноградов, 1980], а также провел анализ модальных частиц и слов как средств, позволяющих выразить точку зрения говорящего. [Виноградов, 1950: 38-79]. Н.Ю. Шведова исследовала сферу синтаксиса в живой

разговорной речи [Шведова, 1960: 378]. Однако принятие антропоцентризма как самостоятельного подхода при изучении языка активизируется лишь с 70-х годов XX века, именно в это время обращается пристальное внимание на развитие антропоцентрических идей в зарубежном языкознании, анализируются работы Э. Бенвениста. В частности, Ю.С. Степанов писал, что «язык создан по мерке человека, этот масштаб запечатлен в самой организации языка; в соответствии с ним язык и должен изучаться. Поэтому в своем главном стволе лингвистика всегда будет наукой о языке в человеке и о человеке в языке, наукой гуманитарной, словом, такой, какой мы ее находим в книге Э. Бенвениста» [Степанов, 1974: 15]. Помимо В.В. Виноградова, Ю.С. Степанова и Н.Ю. Шведовой идеи антропоцентризма в российской лингвистике активно развивались такими учеными, как Н.Д. Арутюнова, В.Г. Гак, Г.А. Золотова, Г.В. Колшанский, Е.С. Кубрякова, Е.В. Падучева, В.И. Постовалова, Б.А. Серебренников, Т.В. Шмелева и др. [Арутюнова, 1977; Гак, 1973; Золотова, 1998; Колшанский, 1975; Кубрякова, 1977; Падучева, 1996; Серебренников, 1988; Шмелева, 1995].

Взгляды ученых, в зависимости от их принадлежности к тому или иному научному направлению, разнятся, однако в самом общем понимании антропоцентризм представляется собой «воззрение, согласно которому человек есть центр и высшая цель мироздания» [Большой Российский энциклопедический словарь, 2008: 176]. Что же касается лингвистического понимания антропоцентризма, то для языкознания антропоцентризм - это прежде всего «подход к исследованию языка, приспособленный к нуждам человека, его потребностям» [Словарь лингвистических терминов, 2010: 35]. Несмотря на то, что антропоцентризм приобретает все больше и больше исследователей, появляется достаточное количество работ, посвященных изучению антропоцентризма, можно сказать, что его терминологическая система все еще находится в стадии развития. Н.В. Бугорская отмечает, что «термины антропоцентрическая лингвистика, антропологическая

лингвистика, антропный принцип в лингвистике, человеческий фактор в языке рассматриваются как вариация одной идеи» [Бугорская, 2003: 19].

Одной из сложившихся точек зрения является понимание антропоцентризма, как антропоморфизма, как основополагающего свойства языка, проявляющегося на всех уровнях, в его структуре и функционировании. Кроме того, сама эволюция субъекта речи, его мышления, сознания, поведения в деятельности и культуре обязана антропоморфизму [Рябцева, 2005: 10]. Таким образом, антропоцентрический подход может помочь исследовать выражение объективной реальности через проявление внутреннего мира человека и присущей ему картины мира [Леви-Строс, 1985]. Другой, также популярный подход, понимает антропоцентризм как метод анализа различных языковых явлений. О подобном взгляде на антропоцентризм В.М. Алпатов писал следующее: «Любое исследование языка глубинно, антропоцентрично» [Алпатов, 1993: 21]. Антропоцентризм позволяет по-новому посмотреть на методологический поиск возможностей, позволяющих преодолеть устаревающий позитивизм и отказаться от естественнонаучного описания языка в лингвистике [Бугорская, 2004: 24]. Кроме того, развивается подход, отражающий фактор антропоцентризма при функциональном описании языка [Золотова, 1998; Теория функциональной грамматики, 1990; Шмелева, 1977].

Разнообразие подходов и взглядов, касающихся места и роли антропоцентризма в лингвистике, обуславливают отсутствие единого и общепризнанного понимания антропоцентрического подхода. В целом, для российской лингвистики присуще понимание антропоцентризма как методологического подхода. Е.С. Кубрякова подчеркивает, что «антропоцентризм характеризуется как особый принцип исследования, который заключается в том, что научные объекты изучаются, прежде всего по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и ее усовершенствования. Он

обнаруживается в том, что человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных явлений, что он вовлечен в этот анализ, определяя его перспективу и конечные цели. В лингвистике антропоцентрический принцип связан с попыткой рассмотреть языковые явления в связи «язык и человек» [Кубрякова, 1995: 212].

Со временем в российской лингвистике идеи антропоцентризма начинают приобретать статус важнейшего направления исследований, что было обусловлено тем, что «научные объекты изучаются прежде всего по их роли для человека, по их назначению в жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и ее усовершенствования» [Кубрякова, 1995: 212]. Ученый - лингвист Р.И. Павиленис считал, что «речь идет о человеке – не просто пассивном референте языковых выражений, а активном их интерпретаторе, не просто носителе языка, а прежде и важнее всего – носителе определенных концептуальных систем, на основе которых он понимает язык, познает мир и осуществляет коммуникацию с другими носителями языка» [Павиленис, 1983: 259-260].

На рубеже XXI века антропоцентрические идеи окончательно окрепли и появилось много работ, в которых исследовалась взаимосвязь языка и человека не только в теории, но и на практике. Авангардом антропоцентрического направления можно назвать монографию Б.А. Серебренникова «Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление» [Серебренников, 1988], в которой основной упор сделан на рассмотрение языковой картины мира, основываясь на концептуальной системе человека: «человек – мера всех вещей» [Серебренников, 1988: 173].

В целом стоит сказать, что разработка антропоцентрического направления в языкознании как доминирующего не является случайной: «человек запечатлел в языке свой физический облик, свои внутренние состояния, свои эмоции, свой интеллект, свое отношение к предметному и не предметному миру, природе, свои отношения к коллективу людей и другому человеку» [Арутюнова, 1999: 3]. Г.В. Колшанский по поводу

антропоцентричности языка писал, что накопление знаний в языке «представляет собой лишь вторичный мир, закономерности которого адекватны исходному, хоть и субъективны по форме своего существования» [Колшанский, 1980: 10]. Для антропоцентризма характерно изучение компонентов языка, касательно «их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и ее усовершенствования» [Кубрякова, 1995: 212]. Отметим коллективную монографию «Человеческий фактор в языке» [Человеческий фактор в языке, 1992], в которой язык рассматривается как практическое средство коммуникации между людьми. Вопросами взаимосвязи языка и мышления занимался также М.А. Шелякин, сделав важный вывод о том, что «семантическое устройство языка предопределено устройством субъективной реальности, формами и процессами мышления и отражает ориентацию человека в мире» [Шелякин, 2005: 132]. В дальнейшем антропоцентрические идеи развивались В.М. Алпатовым, который рассматривал антропоцентрический подход совместно с системоцентрическим подходом и считал возможным использовать эти два подхода одновременно и отмечал, что «любое исследование языка... антропоцентрично, надо только отдавать себе отчет, на каких этапах анализа мы основываемся на интуиции, а на каких мы используем строгие методы, поддающиеся проверке» [Алпатов, 1993: 21].

Большой вклад в развитие антропоцентризма внесли такие российские ученые, как Н.Д. Арутюнова [Арутюнова, 1976: 383], В.Г. Гак [Гак, 1973], Г.А. Золотова [Золотова, 1982; 1998], Н.К. Онипенко [Онипенко, 1994], Т.В. Шмелева [Шмелева, 1995]. Такая популярность антропоцентрического подхода обуславливается тем, что он может продуктивно соотноситься с другими подходами, языковыми теориями и даже дополнять и корректировать их.

В рамках антропоцентрической модели исследование фольклорных текстов представляет большой интерес, так как они несомненно

представляют продукт человеческого творчества. Кроме того, важным представляется то, что «в основе народных текстов, в том числе и сказок, лежат текстообразующие модели» [Артеменко,2001:11]. Textoобразующая модель сказки представляется особой семантической основой, содержащей в себе набор канонических ситуаций. Народные тексты сказок представляются как сложные устойчивые образования с высокой вариативностью, где «диалектически сплавлены его образующие, т.е. и конкретные народные говоры, и диалектный язык как система всех соответствующих диалектных явлений, и общенародный язык в целом как метасистема русского языка...» [Оссовецкий, 1958: 69].

Фольклорные произведения - это именно семантически устойчивые произведения, так как объём и сам текст может меняться «внутри одного текста, от исполнения к исполнению, от исполнителя к исполнителю, от традиции к традиции. При повторной записи обычно несколько меняется объём текста, его лексический и фразеологический состав, иногда – последовательность его конструктивных элементов» [Неклюдов, 1969:130]. Народные произведения - это некий объём смыслов, выраженных с помощью языка, однако сами средства выражения на объём смыслов влияния не оказывают. Например, Е.Б. Артеменко считает, что «фольклорная традиция состоит в следовании обобщенным, типизированным, заранее заданным образцам, в их многократном («бесконечнократном») воспроизведении» [Артеменко, 2001: 15]. То есть данное качество фольклорных текстов можно рассматривать как специфическое явление. Таким образом, рассматривая когнитивные особенности сказок, для исследования не важна форма, в которой сказка существует, так как и в авторской сказке, основанной на народной, объём смыслов будет одинаков, различия же будут лишь в форме подачи материала. Несомненно, правила построения текстов в русских сказках вызывают интерес у исследователей. Отметим работы В.Я. Проппа [1969], в которых лингвист стремился найти общие схемы, модели в построении фольклорных текстов. Большая вариативность текстов при

сходном наборе смыслов может объясняться существованием абстрактной модели инвариантного свойства, служащей для освоения окружающего мира. По мнению Е.Б. Артеменко «устно- поэтическая формула служит средством выражения инвариантного традиционного смысла и является результатом многократного воспроизведения этого смысла и закрепления за ним наиболее адекватного языкового выражения» [Артеменко 2001: 11].

Другой характерной особенностью фольклорного текста является ее коллективный характер восприятия: «слушателей-зрителей, которые выступают не просто как потребители стабильного текста, а как соавторы, отбирающие, дающие ему жизнь, осмысляющие и затем воспроизводящие новый вариант текста в следующем акте фольклорной коммуникации» [Венгранович, 2006 :20]. Этим и объясняется, что сказки могут существовать в различных вариантах, однако сам сюжет и герои остаются неизменными.

Антропоцентрический подход к пониманию и интерпретации сказки дает возможность осознать отношение человека к миру и себе не как однозначную связь «человек – мир», где человек воспринимается как ядро системы, а более широкое осознание связей «человек – другой человек», «человек – среда», «человек – общество», «человек – знания о мире», «человек – образы мира», «человек – Бог». Антропоцентричность в процессе развития духовной культуры становится всеобщей характеристикой, и, конечно, фиксируется в языке.

Сказка – очень своеобразное, увлекательное и по-своему загадочное явление духовной культуры. Она рождается на обыденном уровне, как отражение жизненного опыта народа и продукта его фантазии. Сказка изначально уже антропоцентрична, т.к. одна из ее задач – моделирование человеческих жизненных ситуаций. Сказка дает возможность человеку к ним примериться и дает нужные подсказки для их решений. В сказках отражается жизнь общества, отношения между людьми, мораль и этика народа, его мечты и надежды. Создатель сказки решал множество задач

антропоцентрического характера: показывает, как воспринимает себя человек, как находит решение многих проблем, создает модель «образцового» человека, указывает на средства достижения цели, рассуждает о нравственных ценностях, о предназначении человека и смысле жизни, показывает источники радости и страдания, одновременно являясь доброжелательным коммуникантом и наставником.

Каждый народ при этом вкладывает свою специфическую жизненную философию, определяемую сложившимся общественным бытом, историей народа, мироощущением, т.е. антропоцентричность сказки этнически ориентирована. Национальная специфика отражается, в определенной мере, и в любимом сюжете русских сказок, где изначально ничем не отличающийся герой оказывается носителем скрытых до поры до времени сил и способностей - ума, силы, красоты, ловкости, везучести (сказки об Иване-дурачке, Иване-царевиче, Марье-Моревне и др.). Панорама сказок многоцветна, и они не стареют, как всякое истинное искусство.

1.2 Когнитивные аспекты национально-языковой картины мира

Когнитивная лингвистика, заявившая о себе в 70-х годах XX века, прочно утвердилась в современном языкознании, что обусловлено возрастающим интересом исследователей не только к речетворчеству отдельного человека, но и к его мыслительному процессу это речетворчество сопровождающее.

Становление когнитивной лингвистики обозначило новый этап в изучение взаимосвязи языка и мышления. В целом, возникновение и развитие когнитивной лингвистики обозначила новую лингвистическую парадигму. Постепенно разрабатывался и дополнялся категориальный аппарат, происходило образование внутренней структуры и определялся предмет исследований.

В настоящее время в научном сообществе принято говорить о целом междисциплинарном направлении когнитивной науки, изучающей сознание и мыслительные процессы, отдельным направлением которого является когнитивная лингвистика [Меркулов].

Популярность изучения языкового материала в рамках когнитивной лингвистики именно в России, по мнению Е.С. Кубряковой, обусловлено обращением «к темам, всегда волновавшим отечественное языкознание: языку и мышлению, главным функциям языка, роли человека в языке и роли языка для человека» [Кубрякова, 2004, с. 11]. По мнению ученого, когнитивная лингвистика изучает язык как «когнитивный механизм играющий роль в кодировании и трансформировании информации [Краткий словарь когнитивных терминов, с. 53-55]. Важнейшими вопросами, рассматриваемыми в рамках когнитивной лингвистики, является вопросы о владении, сохранении, организации и использования языковых знаний в памяти говорящего. Однако основное положение когнитивной лингвистики о том, что язык является когнитивным феноменом, полностью не исключает влияния социума, тем самым сближая когнитивную лингвистику и коммуникативно-теоретические направления. Влияние социального на когнитивное выражается, таким образом, под влиянием культурных вариантов реальности.

Главными категориями, которыми оперирует когнитивная лингвистика, является «концепт», «концептуальная система», «категоризация», «когниция», «языковая картина мира», «языковая личность» и «языковая картина мира». Картина мира является одной из важнейших категорий когнитивной лингвистики и является областью интереса не только лингвистов, но и специалистов других областей знаний, являясь междисциплинарной категорией, что обуславливается представлениями о данной категории, как о философско- мировоззренческом образовании.

Проблематика, которая в настоящее время изучается в связи с картиной мира входит в компетенцию когнитивной лингвистики. Это и понятно, т.к.

«Вся жизнь человека неразрывно связана с языком. Он отражает опыт человека по взаимодействию со средой и что именно такой объективированный в языке опыт в своей совокупной целостности образует языковую картину мира» [Кубрякова, 2004: 32]. Язык всегда выступает посредником между миром и человеком, рисует человеку определенную языковую картину мира.

Говоря словами Е. С. Кубряковой: «Картина мира - сумма значений и представлений о мире, упорядоченная в голове человека по самым разным основаниям и объединенная в известную интегральную систему, - а это и можно считать моделью мира, или картиной мира, - организуется прежде всего в некую концептуальную систему. Субстрат такой системы - концепты, образы, представления, известные схемы действия и поведения и т. п., некие идеальные сущности, не всегда связанные напрямую с вербальным кодом».

Для нашего исследования определенный интерес представляет именно языковая картина мира, что обуславливается целью и задачами нашей работ. Понятие языковой картины мира не является однозначным и в различных работах встречаются разнообразнее трактовки и интерпретации этого понятия. Однако, все это можно разделить на понимание языковой картины мира в узком и широком смысле. Так, ряд ученых (С. Ю. Аншакова, Т. И. Воронцова, Л.А. Климкова, О.А. Корнилов, З.Д. Попова, Б.А. Серебренников, Г. А. Шушарина), говоря о языковой картине мира, имеют ввиду «субъективный образ объективного мира как средство репрезентации концептуальной картины мира, полностью, однако, не охватывающее ее, как результат языковой, речемыслительной деятельности многопоколенного коллектива на протяжении ряда эпох» [Климкова, 2007: 12].

При исследовании проблемы отражения картины мира в языке обычно исходят из триады: окружающая действительность (реальный мир), отражение этой действительности в мозгу человека

(концептуальная/культурная картина мира) и выражение результатов этого отражения в языке (языковая картина мира).

Представление о языковой концептуализации мира, специфичной для каждого отдельного языка и находящей отражение в особенностях пользующейся этим языком культуры, восходит к идеям В. фон Гумбольдта, Вайсгербера, Витгенштейна, получившим своё выражение в рамках знаменитой гипотезы лингвистической относительности Сепира-Уорфа, утверждающей, что язык - это не просто инструмент для воспроизведения мыслей, он сам формирует наши мысли.

Другие лингвисты, такие как Н.А. Беседина, Т.Г. Бочина, М.В. Завьялова, Т. М. Николаева, М. В. Пац, Р.Х. Хайруллина, Е.С. Яковлева, под языковой картиной мира понимают «зафиксированную в языке и специфическую для данного языкового коллектива схему восприятия действительности» [Яковлева, 1994: 47].

Язык является основой картины мира, которая складывается у каждого человека и приводит в порядок огромное количество предметов и явлений, наблюдаемых в окружающем мире, поэтому давая название неизвестному, человек включает новое понятие в ту систему, которая уже существует в его сознании. Люди, говорящие на разных языках, по-разному смотрят на мир. Например, удивляют представителей других культур оттенки белого цвета в языке эскимосов; 39 оттенков зеленого у зулусов; американец привычно посоветует русскому пройти 3 блока, чтобы найти искомый объект, оставив того в недоумении; китаец отправит спрашивающего дорогу на северо-восток и посоветует повернуть потом на юго-запад, это может случиться даже внутри здания. Так по-разному они видят мир.

По мнению А.А. Бурова, языковая картина мира (ЯКМ) включает в себя: «словарь, совокупность образов, закрепленных в языковых знаках, идеостиль говорящего, языковую идеологию носителей языка, тип ассоциативно-

вербального отражения мира» [Буров, 2010: 43]. Кроме того, в формировании языковой картины мира участвуют также единицы различных уровней языка, например, фразеологизмы.

Образование языковой картины мира может происходить разными способами, например, через вышеупомянутые фразеологизмы, различные мифологемы, метафоричную и коннотативную лексику и т.д. Анализ лингвоспецифической лексики позволил таким учёными, как Ю.Д. Апресяну, Е.Э. Бабаевой, О.Ю. Богуславской, И.В. Галактионовой, Л.Т. Елоевой, Т.В. Жуковой, А. А. Зализняк, Л.А. Климковой, М.Л. Ковшовой, Т.В. Крылову, И.Б. Левонтиной, А.Ю. Малафееву, А.В. Птенцовой, Г.В. Токареву, Е.В. Урысону, Ю.В. Хрипунковой, А.Т. Хроленко, А.Д. Шмелеву выделить специфичные фрагменты русской языковой картины мира, реконструировать и установить сквозные мотивы и ключевые идеи русских слов. Картина мира формируется под влиянием национальной системы, заключенной в язык и определяет мировоззрение его носителей.

Окружающая действительность оказывается запечатленной в метафорах и фразеологизмах, сравнениях, что является фактором, определяющим специфичность или универсальность национальной картины мира. В этом плане, важным представляется дифференциация человеческого фактора в языке, являющийся универсальным и национальная специфика языка [10,12]. Языковая картина мира, это совокупность представлений об окружающей действительности, исторически сложившейся в конкретном языковом коллективе, способ концептуализации. Языковая картина мира связана с концептуализацией действительности, которая отображает специфические особенности носителя языка, его бытие. Концепт, который образуется в языковой картине мира, имеет возможности к изменению через фоновые концепты, которые позволяют варьироваться стандартному набору ситуаций.

Другой важной, даже в какой-то степени основной категорией когнитивной лингвистики, помимо «языковой картины мира» является категория «концепта» как единицы описания картины мира. В целом, описывая концепт, можно сказать, что это воплощение языковой картины мира, языковые знания, понимание соответствующей культуры, различные представления и субъективные оценки. Концепт в некотором роде явление того же порядка, что и лексическое значение, однако концепт рассматривается в системе логических отношений на ментальном уровне, а лексическое значение - в системе языка.

Сам термин «концепт» в российской лингвистике появился одновременно с самим направлением - когнитивной лингвистикой - в начале 1990-х годов. Термин «концепт» одним из первых в российской лингвистике был описан в статье Д.С. Лихачева [Лихачев, 1997: 287], что послужило утверждению данного термина среди российских лингвистов, а также обозначило новую ветвь изучения особенностей взаимодействия между языком, культурой и сознанием, то есть взаимодействие лингвистики, психологии, философии, культуры и когнитологии. А. Вежбицкая, описывая понятие термина «концепт», писала, что концепт - это «объект из мира «Идеальное», имеющий имя и отражающий определенные культурно обусловленные представления человека о мире «Действительность» [Вежбицкая, 1996: 411].

Говоря об «идеальном» и «действительном» А. Вежбицкая, возможно, имеет ввиду платоновский «мир идей» и «мир вещей», в таком случае, можно сделать вывод, что концепт - это первообраз или прототип слова. С.А. Аскольдов- Алексеев, определяя понятие «концепт», считает, что «концепты – это индивидуальные представления, которым в некоторых чертах и признаках дается общая значимость. Концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода. Концепт есть образование ума»

[Аскольдов-Алексеев, 1997: 271]. Д.С. Лихачев, продолжая и поддерживая идеи Аскольдова – Алексеева в своем труде «Концептосфера русского языка» пишет, что «рассматривая, как воспринимается слово, значение и концепт, мы не должны исключать человека..., потенции концепта тем шире и богаче, чем шире и богаче культурный опыт человека..., и чем меньше культурный опыт человека, тем беднее не только его язык, но и его «концептосфера» [Лихачев, 1997: 320]. То есть концепт, по мнению Д.С. Лихачева, является «столкновением» лексического значения слова и личного опыта говорящего. Концептом объясняются единицы ментальных или психических ресурсов человеческой ментальности и информационной структуры или картины мира, которая отражает и содержит знания и опыт человека. В этом плане концепт представляется как оперативная содержательная единица памяти, которая в противовес слову и словарному запасу содержится в ментальном «лексиконе», системе концептов, «языке» мозга, во всем том, что отражено в человеческой психике.

Концепт возникает в то время, когда в процессе мышления происходит построение и обработка информации об объектах и их свойствах, причем, концепт может базироваться на информации, касающейся как объективного мира, так и воображаемой информации. Эта информация включает в себя те сведения, о которых индивид думает, знает или которые предполагает. По мнению Ю.С. Степанова, концепты являются микромирами, в совокупности образующими всевозможные ситуации, созданные в результате членения языковой картины мира. Когнитивная функциональность концепта в современной лингвистике сводится к хранению знаний о мире или языковой картине мира, возможность быть носителем и способом передачи смысла. Таким образом, главным в понятии концепта представляется многомерность и целостность выражения и трансляции смыслов, существующие в рамках культурной традиции, то есть концепт является своеобразным посредником

между человеком и культурой, в которую этот человек вовлечен, реализуясь в среде языка как понятийный репрезентатор общих культурных концептов.

Сам процесс работы концептов в сознании лежит в поле ассоциативного мышления и происходит по схеме стимул - реакция: в процессе коммуникации концепт активизируется через языковые знаки. Концепт может выражаться через слова, словосочетания, например, фразеологизмы, предложения и т.д., данные лексические единицы используются как имена концепта, например, именем концепта «сказка» будет существительное *сказка*, концептом «*сказка ложь, да в ней намек*» будет предложение *сказка ложь, да в ней намек*. Однако, реализация концепта может происходить в различных знаковых формах и в процессе существования может терять связь с обозначающими его языковыми единицами и осуществлять связь с другими языковыми единицами.

Изучая культурные концепты, например, такие как имена сказочных персонажей, необходимо двигаться от культурных, социальных и психических образований в сторону их проявления и установления в языке. Когнитивная лингвистика как культурологически ориентированное направление через концепт осмысляет фиксацию проявлений культуры в языке, закрепляя их в языковой картине мира [Вежбицкая, 2001: 288]. Лингвокультурное изучение языка обычно находится в сфере сопоставительного изучения языка в сравнении с родным или иностранным, что определяет единицы языка как часть бытия человека в культурном и социальном аспекте. Таким образом, изучение концептов, привязанных к культуре, должно быть связано с изучением текстов, например, фольклорных, в которых эти концепты закрепляются и вербализуются в качестве реального отражения национальной картины мира. В этом случае, в качестве единиц изучения возможно использование таких единиц, которые однозначно соотносятся с изучаемой культурной общностью. Например, имена героев национальных сказок, содержат характеристики, для

понимания которых необходимо обладать знаниями о культуре, в рамках которой образовались данные языковые единицы.

Номинативное поля концепта может включать различные языковые средства:

1) прямые номинации концепта (ключевое слово-репрезентант концепта, которое избирается исследователем в качестве имени концепта и имени номинативного поля, и его системные синонимы);

2) производные номинации концепта (переносные, производные);

3) однокоренные слова, единицы разных частей речи, словообразовательно связанные с основными лексическими средствами вербализации концепта;

4) симиляры (под симилярами — термин А.А. Залевской — понимаются выявляемые экспериментально лексемы, близкие по семантике в языковом сознании испытуемых, хотя они и не являются синонимами в традиционном смысле, например: газета и журнал);

5) контекстуальные синонимы;

6) окказиональные индивидуально-авторские номинации;

7) устойчивые сочетания слов, синонимичные ключевому слову;

8) фразеосочетания, включающие имя концепта;

9) паремии (пословицы, поговорки и афоризмы): необходимо только помнить, что паремии не всегда отражают смысл, актуальный для современного состояния сознания, и то, насколько установки, выражаемые паремиями, разделяются современным сознанием носителей языка, требует проверки;

10) метафорические номинации (например, к концепту сердце — *сердце плачет, радуется, разрывается* и под.);

11) устойчивые сравнения с ключевым словом;

12) свободные словосочетания, номинирующие те или иные признаки, которые характеризуют концепт и под. [Залевская, 1999: 69-71].

В целом, можно выделить три типа номинативных полей, которые основаны на типе концепта:

Коммуникативно- релевантные, имеющие широкие возможности для обозначения концептов и их признаков; коммуникативно- малорелевантные, включающие концепты, которые обозначают узкоспециальные, концептные сущности и исключают синонимичные ряды; частично- релевантные концепты, которые описываются через ряды окказиональных единиц и описывают отдельные, иногда авторские, признаки концепта [Лихачев, 1997: 67-68].

Номинативное поле концепта неоднородно по структуре — оно содержит как прямые номинации самого концепта непосредственно (ядро номинативного поля), так и номинации отдельных когнитивных признаков концепта, раскрывающих содержание концепта и отношение к нему в разных коммуникативных ситуациях (периферия номинативного поля). Выявлению в процессе лингвокогнитивного анализа подлежат как системные, так и окказиональные, случайные, индивидуально-авторские номинативные средства, так как все они входят в номинативное поле концепта, и все дают материал для когнитивной интерпретации и построения модели концепта. Построение концепта происходит при выявлении прямых номинаций концепта, то есть главного слова и его синонимов. В поле концепта также можно включить отдельные признаки, которые относятся к слову- концепту.

Расширение поля происходит при добавлении к описанию различных фразеологизмов и т.д.

Концептуальный анализ применяемый для изучения фольклорных текстов позволил ученым выявить сходные концепты в сказках. Так А. Т. Хроленко выяснил, что сказочные концепты зачастую не могут быть выражены лишь одним словом- концептом и требуют поддержку всего объёма текста, чтобы раскрыть содержимое изучаемого концепта [Хроленко, 2014: 57].

Следует отметить, что изучения концепта может происходить в трех измерениях: образном, понятийном и ценностном. По мнению Д.С. Лихачева, концепт «возникает из значения слова, является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом. Потенции концепта тем шире и богаче, чем шире и богаче культурный опыт человека». Концептосфера языка значительно обогащается за счет фольклора, что делает национальный язык культурным феноменом. Концептосфера понимается как совокупность концептов, объединение которых произошло на основании какого-либо признака, например, этическая концептосфера, религиозная и т.д. Концептосфера включает в себя понимание культуры нации, ее морали, традиций, различных ценностей. Иными словами, концептосфера, как совокупность концептов, которые в свою очередь образуют картину мира, служит для формирования языковой личности в рамках данной культуры. Исследование концептов и связанных с ним понятий является важным направлением в лингвокультурологии, так как может многое сообщить о культуре народа, его развитии, истории и мировоззрении, так как важнейшая единица изучения когнитивной лингвистики, концепт, представляет собой ментальное образование, содержащее в себе культурный, ценностный, образный, понятийный элементы. Концепт формируется как опыт народа- носителя языка, когда усваиваются доминанты, отраженные в культуре, как совокупности религии,

морали, идеологии, искусства. Функционирование же концепта подчинено рациональному выбору языковых средств применительно к конкретной языковой ситуации, позволяя активировать культурный концепт в сознании адресата. Иными словами, концепт основывается на культуре, существует в сознании носителей языка и выражается через язык.

Развитие когнитивной лингвистики дало возможность взглянуть на языки мира под новым углом с применением новых техник изучения, что в совокупности делает когнитивную лингвистику одной из важнейших концепций современной лингвистики. Исследования в этой области затрагивают глубокие вопросы о том, какая связь между знанием, заложенным в языке и мышлением человека. Фольклорные тексты для когнитивной лингвистики имеют большую ценность, так как представляя «культурный код» нации, составляют картину мира человека, его мировоззрение. Использование методов когнитивной лингвистики в нашей работе дало возможность взглянуть на сказку и ее героев через призму общей народной ментальности, позволяя выделить те или иные характеристики героев, выделяя концепты.

1.3 Языковая личность как объект изучения

Языковая личность как одно из центральных понятий современной лингвистики впервые было использовано В.В. Виноградовым в работе «О языке художественной прозы», где он писал, что «памятник - не только одно из произведений коллективного языкового творчества, но и отражение индивидуального отбора и творческого преобразования языковых средств своего времени в целях эстетически действительного выражения замкнутого круга представлений и эмоций. И лингвист не может освободить себя от решения вопроса о способах использования преобразующей личностью того языкового сокровища, которым она может располагать» [Виноградов, 1980: 91]. Различия между пониманием художественного и авторского образов,

которые являются важными в работах В.В. Виноградова, подвели ученого к вопросу о факторе влияния языковой личности.

В современной российской лингвистике выделяется концепция языковой личности Ю.Н. Караулова, который понимал под языковой личностью не что иное, как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений, языковая компетенция, характеризующаяся глубиной и точностью отражения действительности, степенью структурно-языковой сложности, при этом интеллектуальные характеристики языковой личности выдвигаются на первый план целевой направленностью» [Караулов,1987, 38-39,46]. Ю.Н. Карауловым выделяются три уровня языковой личности:

- 1) вербально-семантический;
- 2) когнитивный;
- 3) мотивационно-прагматический.

Эти уровни ученый соотносит с лексиконом, тезаурусом и прагматиконом, а ЯЛ «на каждом уровне своей организации соответственно имеет и временные и вневременные, изменчивые, развивающиеся образования, и сочетание этих феноменов и создает наполнение соответствующего уровня» [Караулов,1987,с.39]. 1 уровень отражает степень владения обыденным языком. На 2 происходит актуализация и индентификация релевантных знаний, представлений ЯЛ, создающие индивидуальное когнитивное пространство. 3 уровень включает выявление и характеристику мотивов и целей, движущих развитием ЯЛ. Таким образом, взаимодействие трех уровней создает «коммуникативное пространство личности».

Исследование языковой личности зачастую выходит за рамки только лингвистики: «Языковая личность - вот та сквозная идея, которая, как

показывает опыт ее анализа и описания, пронизывает все аспекты изучения языка и одновременно разрушает границы между дисциплинами, изучающими человека, поскольку нельзя изучать человека вне его языка» [Караулов, 2002: 3]. Междисциплинарное обогащение может проявляться в том, что различные абстрактные идеи через язык могут воплощаться в строгих понятиях. Мироззрение есть соединение прагматического и когнитивного уровней, то есть соединение картины мира и частных проявлений личности, выражаемые в созданных этой личностью текстах. В понятии языковой личности можно увидеть тесную связь между языком и индивидуальным сознанием личности.

Языковую картину мира репрезентирует соотношение концепта и слова, что основывается из модели ценностной картины мира, которая выделяется наряду с языковой картиной мира (В.И. Карасик, В.П. Нерознак, С.Г. Тер-Минасова, И.И. Халеева). Ценностная картина мира изучается в рамках лингвокультурологии, в частности, по мнению Е. В. Бабаевой, «лингвокультурный концепт выступает той структурой сознания, в которой фокусируются ценности социума, а его центром является ценность» [Бабаева, 2004: 10]. Ценностная картина мира представляет собой один из аспектов картины мира и определяется как система ценностей, идеалов, понятий о том, что «хорошо» и что «плохо», как должно быть и как есть, что и сопоставляется индивидом в рамках своей картины мира. Именно ценностная картина мира широко отражена в сказках и выражается в «классических» сюжетных линиях и поворотах. Так, например, в процессе анализа мы выявили некоторые инварианты развития сюжета и его ключевых моментов. Например, мораль не причинять вреда живым существам: *«Вдруг — волчонок; он хочет его убить. Выскакивает из норы волчица и говорит: «Не тронь моего детища; я тебе пригожусь». — «Быть так!» Иван-царевич отпустил волка»* [Народные русские сказки не для печати, Кощей Бессмертный: 200]. Обязательное благословление родителей также

просматривается во многих сказках: *«Малый сын, Иван-царевич, говорит отцу: «Батюшка! Благословляй меня искать матушку». Отец не отпускает, говорит: «Тех нет братьевей, да и ты уедешь: я с кручины умру!» — «Нет, батюшка, благословишь — поеду, и не благословишь — поеду». Отец благословил»* [Народные русские сказки не для печати, Кощей Бессмертный: 199]. Другой моралью является необходимость добиваться расположения любимой главного персонажа, проходя различного рода испытания, зачастую грозящие смертью: *«Даю тебе сроку десять часов; если ты сумеешь в это время так хитро спрятаться, что я тебя не найду, то выйду за тебя замуж; а не сумеешь этого дела сделать — велю рубить тебе голову»* [Народные русские сказки не для печати, Елена Прекрасная :337].

Подобные моральные клише выполняют обучающую функцию, образуя представления о том, что хорошо, а что плохо. В рамках языковой картины мира они представлены именно ценностной картиной мира: на основании поступков главных героев и следствий этих поступков читатель может сделать вывод о морали, принятой в обществе. Каждый человек, как носитель языка, является отдельной ЯЛ, которая вмещает в себя различные компоненты (социальный, психический, этический и др.), но преломленные через язык. Следовательно, каждая ЯЛ может рассматриваться как психологический, лингвокогнитивный, лингвокультурный феномен. Проблема ЯЛ решается в контексте взаимодействия языка и культуры этноса.

Язык во многом определяет видение мира, поэтому связь языка с личностью представляется достаточно органичной, - считает Т.В. Самосенкова [Самосенкова , 2008, с.35]. Образ мира формируется у любого человека в ходе его контактов с миром и является основным понятием теории ЯЛ.

1.4 Лингвокультурологический потенциал русских народных сказок

Вопросы о соотношении человека и культуры, языковой личности и общенародного «духа» являются поистине междисциплинарной проблемой. Говоря о языке и месте в нем культуры, можно сказать что научные направления, связанные с изучением культуры человека, прямо или косвенно обращают внимание на язык внутри культуры. Таким образом изучение языка в рамках его существования в культуре является важным направлением в современной лингвистике, так как язык, как продукт культуры, сам по себе пропитан культурным и историческим содержанием.

Антропоцентрический подход к изучению языка предусматривает несколько иные, чем привычные нам традиционные подходы к анализу продуктов речевой деятельности, когда за каждым текстом стоит Я» [Караулов,1987,с.36].Мир представляется человеку зачастую как набор шаблонов, моделей поведения, когнитивных картин, которые формируются общекультурным развитием народа, что делает диаду «язык - культура» абсолютно современной. Например, исследователь В. В. Воробьев считает, что лингвокультурология это прежде всего «комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру единиц в единстве языкового и внеязыкового содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления» [Воробьев, 1996:37]. Данное мнение не только определяет лингвокультурологию как отдельное научное направление, связанное с лингвистикой, но и отражает его особенности.

Вопросы о зависимостях языка и культуры возникали давно, истоки прослеживаются уже в XIX в. в работах братьев Гримм, В. Гумбольдта, а в отечественном языкознании в трудах А.Н. Афанасьева, Ф.И. Буслаева, М.М. Бахтина, Л.С. Выготского, А.А. Потебни. В. Гумбольдт соотносил между собой понятия язык и дух народа, считая это одним и тем же, следовательно, все, что связано непосредственно с народом, его культура,

религия находит свое материальное выражение в языке: «Язык... всеми тончайшими нитями своих корней сросся... с силой национального духа, и чем сильнее воздействие духа на язык, тем закономерней и богаче развитие последнего [Гумбольдт 1984: 47].

Некоторые лингвистические школы и направления основывались на идеях неразрывности языка и культуры, например, такими идеями проникнуто неогумбольдтианство и школа Сепира- Уорфа. Одним из истоков лингвокультурологии также можно считать американскую школу лингвистики, в рамках которой, в частности Э. Сепиром изучались языки и культура различных племен. Э. Сепир считал, что «язык – это путеводитель, приобретающий все большую значимость в качестве руководящего начала в научном изучении культуры» [Сепир, 1999: 4]. Таким образом, ученый видел актуальность проблемы соотношения языка и культуры, предсказывая появления лингвокультурологии как научного направления. Л. Вейсгербер считал, что язык находится между мышлением и действительностью и является своеобразным посредником. К. Леви-Строс отмечал, что язык - это важная часть культуры, условие существования ее культурного кода и одновременно ее продукт. В отечественной лингвистике важность культуры в языке отмечал еще В.И. Вернадский. В своей концепции «Живое вещество» [Вернадский,1978.] он полагал, что роль языка обширнее, чем представлялось науке ранее, и утверждал, что благодаря языку образуется новая форма энергии - человеческая культура. Однако начало оформления системного изучения лингвокультурологии началось лишь в начале в 90-е годы XX в. Сам термин «лингвокультурология» связан с работами лингвистической школы В.Н. Телия, а также с работами А.Д. Арутюновой, В.В. Воробьева, Ю.С. Степанова, В. А. Масловой и других.

На основании работ лингвистов, изучающих связь языка и лингвистики, можно констатировать, что сложилось четыре взгляда на изучение лингвокультурологии. К первому направлению можно отнести

школу Ю. С. Степанова, который вслед за американской школой лингвистики описывал культуру в диахроническом аспекте, Другим направлением можно назвать исследования Н.Д. Арутюновой, которая рассматривала культуру, как универсальное понятие, термины которой извлекались из различных текстов разных народов. Вышеупомянутая школа В. Н. Телия, в отличие от предыдущих двух школ, рассматривала язык с точки зрения носителей, то есть через осмысление семантики непосредственно субъектом культуры и носителем языка. Данная позиция была близка также А. Вежбицкой и ее концепции «ментальной лингвистики». Еще одним направлением можно назвать школу, основанную В.В. Воробьевым и В.М. Шаклеиным, которые рассматривают лингвокультурологию как прикладную дисциплину: «Новая постановка рассматриваемой проблемы образует методологическую и практическую основы лингвокультурологического аспекта описания и функционирования русского языка как особого научного направления гуманитарных исследований, чрезвычайно существенного в новых условиях для теории и практики его» [Воробьев, 1996:5]. Таким образом, лингвокультурология представляется не просто отдельным научным направлением через призму которого можно взглянуть на язык и культуру, но и как прикладная наука, которая может вырабатывать особую методологию обучения русскому языку.

Лингвокультурологию следует воспринимать не как науку, которая просто соединяет в себе лингвистику и культурологию, но как самостоятельное, новое научное направление, благодаря которому можно проникнуть в систему языка и культуру новыми инструментами и изучить с других, сторон. Для лингвокультурологии одним из важнейших вопросов являются вопрос формирования и функционирования языковых концептов, влияния «языковых смыслов» на речевое поведение индивида и развития культурно- языковой компетенции языковой личности, выявление основных концептов культуры и понимание их как универсальных и специфических;

систематизация полученных знаний и как следствие - создание понятийного аппарата.

Высокий лингвокультурологический потенциал русских народных сказок предопределен множественностью культурных кодов, собранных в них. Народная сказка хранит информацию об истории, этнографии, национальном поведении и психологии, т.е. обо всем, что составляет содержание культуры. К тому же материалом для создания текста народной сказки служат языковые единицы, а их содержание усиливает культурный сигнал текста. Иными словами, именно тексты являются подлинными хранителями и трансляторами культуры. С их помощью осуществляется приобщение человека к национальной культуре.

Лингвокультурологический анализ, лингвокультурологическая интерпретация текстов народных сказок, направленная на раскрытие их лингвокультурологического потенциала, позволяет реконструировать фрагмент языковой картины мира. В соответствии с уровнями представления культурологической информации в фольклорном тексте мы выделяем три уровня понимания сказочного материала:

1. Языковой уровень, на котором достигается понимание отдельных языковых и текстовых средств и форм, встречающихся в сказках.
2. Текстовый уровень, на котором формируется представление о последовательности развития событий в сказке.
3. Концептуальный уровень, на котором становится возможным понимание основной идеи сказки.

В целом, фольклорные произведения, как часть общекультурного багажа народа является обширным полем не только для исследований в области лингвокультурологии, но и для истории, философии, социологии, педагогики, так как в подобных текстах проявляется ментальность и культура

социума. Фольклор представляет собой народное творчество, коллективную длительность, отражавшую жизнь народа, его мораль. С другой стороны, фольклор можно рассматривать как память этноса, сосредоточение части опыта нации. По мнению Ю.И. Юдина: «Традиционный русский фольклор двуедин: с одной стороны, он обращен к реальности, с другой – повернут в сторону мифологии» [Юдин, 2015:289]. Таким образом, сказки сочетают в себе реальность и мифологические представления.

.Изучение фольклорных произведений внутри лингвокультурологии, помогает разрабатывать некоторые вышеперечисленные вопросы, так как русские фольклорные произведения, такие как сказки, былины, притчи, песни и т.д. являются важными языковыми источниками культурной специфики России, что давно заметили методологи, включая подобные произведения в процесс обучения русскому языку, например, работы Г.Н. Волкова [1999], Н.М. Погосовой [2008], Л.Б. Фесюковой [2010] и т.д.

Рассматривая сказку как объект лингвистического исследования можно констатировать, что язык или дискурс сказки обладает такими признаками, как устная подача, отсутствие автора, коллективность создания и традиционность, что влияет на вариативность текста, поэтому одна и та же сказка может иметь разные сюжетные линии, элементы и мотивы, однако главная линия сюжета в них будет совпадать. Вариативность сказок зависит от личности рассказчика, его опыта, его знаний, традиций, особенностей психики [Кравцов, 1986: 136].

Сказка, на наш взгляд, является эмпирической единицей, так как хранится в виде определенного концепта в сознании людей, рассказчиков, которые преобразуют этот концепт в нечто материальное, отражающее особенности эпохи, менталитета, языка. Концепт сказки состоит в традиционности ее сюжета, его стабильности, обусловленным многократным пересказыванием. Дискурс сказки отличает повествовательность, связность,

назидательность. Назидательность одна из основных составляющих сказки, можно сказать ее цель, наряду с желанием развлечь. Важность назидательности обуславливается тем, что сказки формируют и развивают языковую личность. В.А.Маслова отмечает, что «становление языковой личности происходит при помощи присвоения национальной культуры при помощи языка» [Маслова, 2011: 121].

Сказка, на наш взгляд, является важным проводником национальной культуры, так как является коллективным производным, отражающим общественные отношения, мораль, образы добра и зла. Суммируя вышесказанное, можно говорить о сказке, как о ценном продукте культуры народа, который включает психологию этноса, его мораль и жизненные ценности. Народная сказка является отражением культуры народа, поэтому она является важным объектом изучения лингвокультурологии.

Для лингвокультурологии фольклорные тексты интересны тем, что во-первых, они зачастую анонимны, во-вторых представляя образец народной культуры, устойчивы и не меняют внутренний облик с течением времени. Важное отличие фольклорных текстов, от текстов, имеющих автора, заключается в том, что фольклорные тексты являются источником общенародного языка и культуры в отличие от авторских текстов, которые сочетают в себе и общенародные концепты и индивидуально- авторские. Концептом становятся только актуальные для культуры понятия, имеющие большое количество языковых единиц выражения. Они являются темой поговорок, пословиц, анекдотов, поэтических и прозаических текстов, представляют собой символы, определенно указывающие на породивший их текст, ситуацию и выполняют функцию носителя культурной памяти народа» [Маслова, 2011: 28].

При изучении культуры через язык, человека в культуре и языке именно лингвокультурология прежде всего исследует базовые концепты

культуры, «опорные точки менталитета народа, которые в значительной степени определяют предметно-смысловое содержание ЯКМ народа» [Сабитова 2013, с. 187].

Выводы к ГЛАВЕ I

1. Утверждение антропоцентрической парадигмы показало высокий уровень интереса ученых-лингвистов к этнокультурным исследованиям, так как изучения языка постепенно отходит от исследования формальной его стороны к изучению параметров функционирования обращаясь таким образом к человеку и его речевой деятельности. Антропоцентрический подход к исследованиям фольклорных текстов, в частности сказок, рационален, так как позволяет напрямую обратиться к культурно-лингвистической деятельности самого народа, что способствует лучшему пониманию специфических черт его культуры, проявляемых в сказках, что прослеживается в своеобразном диалоге языка и культуры.

2. Когнитивная лингвистика позволяет рассмотреть концептосферу русских сказок. Объединение двух парадигм внутри исследования позволяет объёмно взглянуть на человека, как на субъект языковой деятельности и полноценно воссоздать исследуемую часть языковой картины мира.

3. Тезис о неразрывности языка и культуры обосновывает необходимость обращения к лингвокультурологии, как к важнейшему теоретическому базису изучения языковой культуры, который позволяет более глубоко рассмотреть лингвокультурные особенности русских сказок и выявить специфические характеристики и особенности имен русских героев.

ГЛАВА 2. ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В РУССКИХ СКАЗКАХ

2.1 Имя собственное как объект исследования

Изучение имен собственных, несмотря на их принадлежность к лингвистической области знаний, привлекало и привлекает не только ученых - лингвистов, но и исследователей в других областях, например, ученых-историков, культурологов, психологов, этнологов и других. Такой интерес к изучению антропонимической лексики обусловлен тем, что за этой областью скрыто множество культурной информации о носителях языка, их традициях, социальных отношениях и т.д. Язык – это инструмент общения людей, в жизни которых существует масса вещей, требующих такого наименования, которое смогло бы дифференцировать этот объект среди прочих и указать на него, поэтому можно говорить о наличии в любом языке важного и

специфического разряда слов, часто противопоставляемого именам нарицательным- имена собственные

Понимание значения и отличия имен собственных от всех других слов с давних времен интересовало ученых. Например, разработкой данной проблемы занимался античный философ - стоик Хрисипп, в работах которого имя собственное устанавливалась как отдельная категория, в отличие от распространенной в те времена тенденции греческих мыслителей не делить имена на собственные и нарицательные. Греческая практика не рассматривать имена как одну категорию восходит к философии связи вещи и их наименования, а также к греческим культам, в основе которого «называние «правильного» имени служило залогом эффективности молитвенной или магической формулы» [Суперанская 2009: 47]. Однако именно философы - стоики, рассматривая категорию имени собственного, считали, что имя человека должно быть индивидуальным, в отличии от вещей, а совпадения лишь говорят о несовершенстве языка.

В дальнейшем, наиболее ранней попыткой деления имен на собственные и нарицательные являются работы английского философа Т. Гоббса, который под именем собственным понимал «слово, произвольно выбранное в качестве метки с целью возбуждения в нашем уме мыслей, сходных с прежними мыслями, и служащее одновременно, если оно вставлено в предложение и высказано другим, признаком того, какие мысли были в уме говорящего и каких не было» [Гоббс, 1989: 83]. Также, по мнению Т. Гоббса, имена не вытекают из свойств предмета, так как постоянно меняются и разнятся от нации к нации и от культуры к культуре. Дифференциация имен по Т.Гоббсу происходит по ряду параметров, например, разделение по значению: с определенным значением или ограниченным и неопределенным или неограниченным. Слова с определенным значением и представляют собой имена собственные и имеют свойства отображать в сознании слушающего конкретный предмет. Слова же

с неопределённым значением не указывают на конкретный предмет, а показывают всю совокупность таких предметов [там же 87].

Приёмником Т. Гоббса в развитии идей касающихся имен, можно назвать немецкого ученого Г.В. Лейбница, вклад которого заключался в развитии собственной теории, а также в разработке терминологии. В частности, Г. Лейбниц поддерживал идеи разделения слов на нарицательные и собственные: «Действительно, если под отдельными вещами понимать индивидуальные вещи, то невозможно было бы разговаривать» [Лейбниц, 1982:265].

Важным вкладом в развитие понимания имени собственного была теория Дж. Милля, в которой ученый размышляет о том, что в отличие от имен нарицательных, имена собственные, не имея коннотаций, имеют денотат. Кроме того, Дж. Милль выяснил, что имена собственные лишь метки, которые сопоставляются с отдельным элементом [Милль Дж.Ст, 2011].

В XX веке вопросы, касающиеся имен собственных, разрабатывались Б. Расселом, П. Кристоферсоном, М. Бреалем, А. Гардинером и другими. В своих рассуждениях Б. Рассел определил, что существование имен собственных оправдано удобством в обычном общении, что сближает их с местоимениями [Рассел, 2000]. П. Кристоферсон обозначил разницу между именами собственными и именами нарицательными в конкретности или абстракции обозначаемого [Кристоферсон, 1939]. Французский ученый М. Бреаль, проанализировав процесс появления имени собственного, пояснил, что оно создается из одной черты и становится знаком, но потом теряет свое этимологическое значение [Бреаль, 1991]. Важным трудом в изучении имен собственных стала работа «Теория имён собственных» А. Гардинера, которая явилась продолжением идей, разработанных Дж. Миллом, в которой указывалось, что «собственное имя – это слово или группа слов, специфическим назначением которых признаётся отождествление и которые

выполняют, или имеют тенденцию выполнять, это назначение исключительно посредством различительного звука, независимо от какого-либо значения, присущего этому звуку с самого начала или приобретаемого им в результате ассоциации с объектом или объектами, отождествлёнными посредством этого звука» [Милль Дж.Ст, 2011]. Работы Дж. Милла также повлияли на работы К. Тогебю, который, также изучая имена собственные и местоимения, пришел к выводу, что вышеупомянутые части речи не образуют семантические группы, так как изначально лишены лексического содержания, а их слова являются синонимами. Данное обстоятельство позволяет появляться тезкам, а одному человеку брать несколько имен. Кроме того, исследователь сравнил флективную часть имен собственных с числительными, сделав вывод, о том, что у этих частей речи флексия дефективная [Бондалетов 1983: 14; Суперанская 2009: 81-82].

Вышеперечисленные точки зрения являются одними из важнейших идей, которые стали переходным периодом изучения имен собственных. Данные теории, развиваясь, со временем переросли в полноценные теории. Таким образом можно выделить следующие теории:

- 1) имя собственное понимается как уникальное и индивидуальное;
- 2) имена собственные обозначают предмет и атрибут предмета (теория асемантичности);
- 3) наличие у имен собственных большего значения, чем у имен нарицательных (теория семантичности);
- 4) имена собственные называются синонимичными;
- 5) имена собственные мотивированы [Суперанская 2009: 45-91].

Данные теории можно считать наиболее глубоко проработанными идеями относительно имени собственного. Кроме того, такое разнообразие теорий говорит о том, что на данный момент в лингвистике не наблюдается

общепринятой концепции имени собственного, а ответы на вопросы находят в различных научных направлениях, что обуславливает наличие противоположных пониманий имени собственного.

В российской лингвистике также наблюдаются различные направления в понимании имени собственного. Н.В. Подольская определяет имя собственное как «слово или словосочетание, которое служит для выделения именуемого им объекта среди других объектов» [Подольская 1978: 95]. Кроме того, для обозначения имени собственного она использует специфический термин «оним» или «онома» и выделяет раздел языкознания, изучающий онимы - ономастику [там же].

Другой российский исследователь О.С. Ахманова считает, что имя собственное есть не что иное, как «слово или словосочетание, специфическим назначением которого является обозначение индивидуальных предметов безотносительно к их признакам, т.е. без установления соответствия между свойствами обозначаемого предмета и тем значением (или значениями), которое имеет (или имело) данное слово или словосочетание» [Ахманова 2007: 175]. В работе О.С. Ахмановой прослеживается мысль, что имена собственные имеют значение, но это значения другого свойства, чем значения имен нарицательных. Подобной мысли придерживался и В.Д. Бондалетов, указывая, что и имена нарицательные, и имена собственные имеют денотативные и сигнификативные свойства, однако у последних подобные свойства имеют специфическую природу [Бондалетов, 1983: 26–27]. По мнению Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова имена могут иметь понятийные признаки, например, такие как происхождение имени, употребительность, эпоха, могут соотноситься с родом занятий, статусом обладателя, стиль [Верещагин, 1990: с. 170–174].

К иной точке зрения можно отнести мнение М.А. Теленковой, которая считала, что имена собственные, это «существительные, служащие

названиями единичных предметов, выделенных из ряда однородных» [Розенталь, Теленкова 1976: 153]. Похожей концепции придерживался и Т.В. Жеребило, определяя имя собственное, как «слово, служащее индивидуальным обозначением лиц и животных, географических и астрономических объектов, учреждений, органов и т.п.» [Жеребило 2005: 84].

Данные определения, на наш взгляд, являются довольно расплывчатыми, более точное определение дано в «Лингвистическом энциклопедическом словаре», где имя собственное определяется как «слово, словосочетание или предложение, которое служит для выделения именуемого им объекта из ряда подобных, индивидуализируя и идентифицируя данный объект» [ЛЭС 1990: 473]. Таким образом, к именам относят и более сложные образования, такие как предложения.

Говоря об имени собственном необходимо указать характерные функции этой части речи. Например, А.А. Белецкий указывал, что различия между именами собственными и нарицательными лежат в области функций этих классов, обозначая их функции, он назвал имена собственные «индивидуализаторами, а нарицательные – классификаторами» [Белецкий 1972: 167]. Также А.А. Белицким делается вывод о том, что имена собственные соотносятся с дискретными объектами окружающего мира [там же]. Российский исследователь ономотологии Ю.А. Карпенко, обращая внимание на функциональную сторону имен собственных, считал, что важнейшая функция имени собственного разъединять однородные предметы [Карпенко, 1986]. Имена собственные, в такой концепции, рассматривают как инструмент дифференциации предметов окружающей среды. Кроме того, исследователем описывались такие функции ономов, как эстетическую и идентифицирующую. Данным пониманием концепции имен собственных исследователь приблизился к концепции А.А. Реформатского, в которой имени собственному приписывается номинативная, как главенствующая функция [Реформатский 1996: 29-30; 57-62].

Выявление функциональности онимов вращается вокруг концепции разделения имен собственных и имен нарицательных, из чего следует необходимость указать основные направления мысли, касающиеся отношений имен собственных и имен нарицательных в российской лингвистике:

1) имена собственные и имена нарицательные имеют четкую границу между собой (Л.А. Булаховский, В.А. Никонов, А.В. Суперанская).

По мнению А.В. Суперанской разграничение имен собственных и имен нарицательных может происходить согласно трем признакам. К первому признаку относится то, что имя собственное соотносится с конкретным объектом, а не группой объектов. Вторым признаком является то, что обозначаемый предмет всегда строго отделен. Третьим признаком является семантический: название не должно быть связано с предметом и не должно иметь четких коннотаций [Суперанская 2009: 324].

2) имена собственные и имена нарицательные имеют четкую границу между собой и никакими явлениями, выходящими за рамки данной концепции, нет, то есть любое название можно отнести либо к именам собственным, либо к именам нарицательным (Ю.А. Карпенко);

3) имена собственные и имена нарицательные не имеют явной границы (В.Д. Бондалетов).

Различия в данных частях речи, по мнению В.Д. Бондалетова, заключается в аспекте диахронии и синхронии, что напрямую связано с тем, что по мнению ученого четкой границы между такой лексикой нет: «Можно привести сотни антропонимов (особенно прозвищ), топонимов (особенно микропонимов), ктематонимов и других видов собственных имён, о которых трудно сказать, состоялся ли их переход в собственное имя или ещё нет» [Бондалетов 1983: 28]. Однако исследователь не считает, что отсутствие границы должно влиять на качественную уникальность данных классов слов.

Вопросы, касающиеся разделения имен нарицательных и собственных лежит не только лишь в плане выявления специфических черт данных классов, но и в плане понимания процесса перехода слов из одного класса в другой. По мнению А.В. Суперанской, подобный переход осуществляется тогда, когда: «конкретность именуемого объекта становится очевидной, наблюдается тенденция перехода собственного имени в нарицательное. И наоборот, если нарицательным именем объект становится определённым и конкретным, возрастает вероятность перехода его в имя собственное» [Суперанская: 113-114]. Легче всего переходят в класс номинативной лексики такие слова, которые обладают слабыми понятийными связями и обозначают множество предметов, что характерно, например, для терминов, находящихся вне терминологического поля. Переход имен собственных в класс имен нарицательных, когда необходимо конкретизировать общие понятия, например: *теорема Пифагора* [там же: 114].

Исследователь Н.В. Юшманов выделяет следующие тенденции перехода имен собственных в нарицательные: это переход от лица к лицу; от лица к вещи; от места к вещи; от лица к вещи; от местности к действию; от местности к месту и т.д. При таком переходе имя собственное получает новое значение, однако необходимым условием является известность денотата слова, то есть все участники коммуникативного процесса должны понимать свойства денотата имени.

Необходимость в понимании того, где проходит граница между омонимичной лексикой, проистекает из дискуссии о том, имеют ли имена собственные свое лексическое значение. Обобщая идеи о лексическом значении, можно выделить следующее:

- 1) отрицание наличия лексического значения у имен собственных;
- 2) признание существования лексического значения только в процессе коммуникации;

3) полное признание наличия лексического, но специфического значения у имен собственных [Нахимова 2010: 171].

Наиболее популярной концепцией можно назвать концепцию отрицания наличия значения у имен собственных, которая своими корнями уходит в работу Дж. Милля. В той или иной форме данную концепцию поддерживали такие ученые, как В. Брэндаль, Л. Стеббинг, Б. Рассел, Н.Д. Арутюнова, О.С. Ахманова, К.Д. Левковская, В.М. Мокиенко, А.А. Реформатский, Н.И. Толстой, А.А. Уфимцева.

Функционирование имен собственных заключается в так называемой зоне ономастического пространства, которое ввела в научный оборот В.Н. Топорова (1989), в которую входит совокупность ономастических названий. По мнению В.Н. Топоровой, ономастическая лексика является не абстрактной, а конкретной. В ономастическое пространство можно включить названия географических объектов, предметов, точек и временных отрезков, индивидуальные названия и т.д. Таким образом, каждый предмет может быть выделен как частный. А.В. Суперанская считала, что необходимо разделять ономастическое пространство на группы, к которым можно отнести: реальные имена предметов, имена нереальных предметов, имена возможных, предполагаемых предметов. Таким образом, имена в фольклорных произведениях следует рассматривать на стыке реальных и нереальных предметов [Суперанская 2009: 148].

Имена собственные широко используются в фольклорных произведениях как возможность для реализации творческих замыслов рассказчика и являются своеобразным стилевым средством для создания семантической композиции полотна повествования. Для сказочного или художественного текста исследуемые единицы прежде всего позволяют:

- 1) выявить и систематизировать макрополя текста;
- 2) описать разряды имен собственных в тексте;

3) описать отдельные группы имен собственных в отдельной части произведения;

4) описать вариативность имен собственных по отношению к денотату;

5) разделить имена собственные согласно их роли в повествовании.

На этом основании можно сделать вывод, что парадигматика имен собственных в тексте состоит в совокупности отношений всех имен собственных к другим единицам макрополя текста; а синтагматика определяется как сумма всех употреблений слова в каждом контексте [там же]. На основании этого видно, что имя собственное играет более важную роль, чем просто номинация главного героя, оно может показать его характер, социальное положение и многое другое и входя в текст, уже является носителем «скрытого» смысла. Несмотря на это, автор не всегда сам может понять, что же будет обозначать имя в итоге, и оно иногда говорит «больше, чем задумал писатель» [Магазаник, 1978: 145].

В фольклорно - сказочных именах собственных существует некоторые категории, выявленные в соответствии с денотатом, среди которых следующие: антропонимы, зоонимы, топонимы, астронимы и фактонимы. Однако, имена в произведениях создаются автором и зачастую являются окказиональными фактонимами, сообщая что-то герою, например, *Иван-царевич*, *Василиса - премудрая* [Карпенко, 1986]. Необходимость фактонимов обусловлена необычностью главных героев, которая зачастую и подчеркивается в имени, в то время, как остальные герои имеют обычные, распространённые имена. Иногда главные герои имеют достаточно экзотические имена, которые в реальной жизни не могут использоваться, например, *Несмеяна* [Пропп, 1992].

В сказках можно обнаружить различные имена собственные:

1) реальные имена, *Иванушка*, *Марья*;

2) имена собственные, созданные из реальных имен: *Иван - дурак, Василиса - Прекрасная, Марья – Премудрая, Елена - Прекрасная;*

3) имена собственные, созданные авторами: *Несмеяна* и др.

Подобное различие обуславливается спецификой русской сказки, которая представляется не отдельным произведением, а частью целой совокупности произведений с одним персонажем, который «переходит» из сказки в сказку и получает соответствующее имя и набор характеристик, делая его узнаваемым. Таким образом, можно представить эти переходы имен героев как единый ономастикон русских фольклорных произведений.

Мотивированность имени персонажа нельзя соединять с дескриптивным компонентом сказок, так как зачастую имена собственные напрямую не зависят от этимологической мотивированности прозвища, так, например, *Иван- дурак* не представляется дураком, а *Кощей - Бессмертный* – вполне может умереть.

Таким образом можно говорить о наличии в русской сказке своеобразного микромира, внутри которого фигурируют одинаковые персонажи, которые обладают похожими чертами и сюжетными параметрами, то есть каждый персонаж представляется единичным. Кроме того, персонажи - животные обладают номинацией, которая сближает имена собственные и имена нарицательные, что проявляется в написании с большой буквы, например: *Волк, Заяц, Лиса*.

Суммируя все вышесказанное, можно говорить о том, что существуют различные точки зрения на понимание имени собственного и имени нарицательного. В представленной работе имя собственное понимается как номинация единственного предмета, в то время как имя нарицательное называет совокупность одинаковых предметов. Таким образом имя нарицательное и имя собственное представляются различными языковыми явлениями. Что касается особенностей имени собственного в русской сказке,

можно говорить о том, что количество имен - собственных является ограниченным, что напрямую связано с существованием микромира сказок, внутри которого все фольклорные сюжеты связаны между собой героями.

2.2 Прецедентность имен собственных главных героев русских сказок

Сказочные фольклорные тексты являются проводниками ментальности и национальной культуры во внешний мир, являясь воплощением знаний, традиций и народного опыта, который взрастил и сохранил в себе народ. Текст сказки раскрывает образы главных героев, близкие языковому обществу и укладываемые в картину мира, как положительный или отрицательный персонаж. Таким образом для понимания русской ментальности важен как сам образ сказочного героя, так и его имя. Как мы уже отмечали, имена собственные выделяют один объект из числа похожих и называют его. Однако имена собственные героев сказок не просто называют героя, но стремятся также что-то о нем сообщить и, на наш взгляд, это сообщение несет в себе некий смысл, отождествляемый с именем.

Рассмотрим самое распространённое мужское сказочное имя Иван, получившее в русском лингвокультурном пространстве статус прецедентного. В русских сказках именем Иван могут именовать героя разного социального происхождения с разными физическими и моральными качествами, что подчёркивается дополнительным эпитетом, компонентной характеристикой, например: *Иван-царевич, Иванушка-царь, князь-княжевич Иван-королевич, Иван кухарский сын, Иван купеческий сын, Иван крестьянский сын, Иван гостиный сын, Иван солдатский сын, Иван-собой молодец, Иван русский богатырь, Ивашка белая рубашка, Иван-дурак*. Читаем: «А у девки одно в голове, как бы выйти замуж за Ивана. Прежде старик и на глаза не принимал этого бедняка Ивана, а тут сам пошел

набиваться со своею дочерью. Приходит старик, а Иван сидит да чинит старой лапоть [Народные русские сказки не для печати, Боязливая невеста: 53]. Вариативность имени в русских сказках обнаруживает в себе различное восприятия героя читающими: *Иван - царевич, королевич, крестьянский сын, вдовый сын, солдатский сын*. Имя сказочного персонажа содержит в себе указание на какие-то свойства героя: *Иван-дурак, бесталанный, несчастный, богатырь*. Эти свойства главного героя, которые могут расцениваться как положительные или отрицательные зависят от русской языковой картины мира и показывают то, что воспринимается русским народом как положительное или как негативное. Таким образом, само слово в своем коннотативном значении может характеризовать персонажа.

В целом, говоря об имени главного героя в русской сказке, мы, проанализировав более ста сказочных произведений, сделали вывод, что наиболее популярным именем для персонажа мужского пола является имя *Иван* и встречается оно в более 80% изученных произведений. На наш взгляд, важным является понимание того, что сделало это имя настолько популярным.

Имя Иван имеет непосредственную связь с православной традицией и стало популярным после крещения Руси и постепенной христианизации культуры. Изначально имя *Иван* имело форму *Йоханан* или *Иоанн*, что означает «благодать Божья». Антропоним *Иван* является важным для русской культуры и имеет широкое референтное поле. Бинарные структуры, связанные с данным именем, имеют место быть не только в сказке, как «имя и прозвище», но и в реальной жизни, например: *Иван Грозный, Иван Великий, Иван Калита*. С приходом христианства и православных обрядов на Русь имена стали давать в соответствии со святыми - своеобразным православным календарем, в котором имя *Иоанн* или *Иван* встречалось довольно часто, Например, семь праздников Иоанна Крестителя и четыре в честь Иоанна Богослова. Таким образом, с распространением и становлением

православия на Руси имя *Иван* получило широкую известность и популярность, что, в свою очередь, повлияло на то, что в сказках это имя фигурирует наиболее часто. К другим менее популярным именам относятся такие антропонимы, как Федор (Божий дар), Емеля (усердный) и Василий (царственный) [Суперанская, 2006].

Ученые-лингвисты Московско-Тартусского семиотического круга традиционно рассматривали сказочные тексты, как инвариантную единицу, которая может реализоваться в речи как конкретный вариант [Иванов, 1987]. Действительно, на основании проанализированного материала, мы можем сделать вывод, что герой с именем *Иван* переходит из сказки в сказку, выполняя одну и ту же задачу. Его действия предопределены и легко предугадываются. *«Иван побежал домой <...>, да и пал <...>, ковригу выронил<...>, а собака<...>хватила ковригу, утащила. Он про себя думал и обдумал: «С чем же я теперь к царевне явлюсь?»* [Ончуков, 1998:120]. Герой сказки под именем Иван действует как определённый тип с раз и навсегда заданными характеристиками, его происхождение при этом совсем не важно. *«У царицы родился Иван-царевич, у кухарки – Иван-кухаркин сын, у коровы – Иван Быкович* [Круглов, 1986:63]. Имя героя остаётся неизменным (изменяется лишь форма имени, обусловленная ситуацией употребления, характером действий героя и отношением к нему других персонажей), трансформируется лишь характеризующий элемент, чаще всего выступающий социальным маркером. *«Иван купеческий сын развернул платок; царь взглянул и подумал про себя: «Да это просто-напросто белый платок!» И говорит Ивану с усмешкою: «Ну, брат, этого добра у нас и без денег дают!»* [Афанасьев, 1985, 242]. *«Увидал царь Ивана солдатского сына, полюбил его за удаль богатырскую и, долго не думая, отдал за него свою дочь в супружество <...>»* [там же: 155]. *«Приехал из иного государства Иван-королевич и женился на купеческой дочери»* [Круглов 1983, Чудесные сыновья: 191].

Все обозначенные выше именованья главного персонажа являются проявлением разных ипостасей одного и того же типа персонажа. Его узнавание происходит по поступкам и ряду традиционных сюжетных моментов. Определившись в том, что имена собственные в русских сказках представляют собой ограниченный набор, среди которого можно выделить определенные характеристики. Например, *Иван-дурак* или *Иван-царевич*, которые являются типичными доминантными типами. Под доминантным типом нами понимается такая совокупность характеристик героя, которая прослеживается во всех героях, будь то *Иван-вдовый сын*, *Сила-Царевич*, *Иван-крестьянский сын*, *Иван-бычий сын*, *Иван-Царенко* и т.д.: 1) «*Жил-был царь, по имени Хотей; у того царя было три сына. Меньшего звали Сила-Царевич*» [Сказка о Силе-царевиче и об Ивашке белой рубашке]; 2) «*Жил-был царь Берендей, у него было три сына, младшего звали Иваном*» [Иван-царевич и серый волк].

В сказках можно проследить тенденцию, что поведение и характер Ивана-царевича, Силы-Царевича и многих других персонажей-царевичей во многом совпадает, что говорит о том, что несмотря на изменение имени, образ героя сказки сохраняется. Таким образом, можно сделать вывод, что в русской традиционной сказке существуют некие образы героев, которые переходят из одной сюжетной линии в другую, в целом сохраняя один образ, один характер.

Действительно, сказка, как производная часть культуры, несомненно обладает значительной ролью в становлении личности, имея национальную маркированность. Сказки - элемент воспитания личности, так как человек обычно знакомится с этими произведениями в детстве, входя в культурное пространство нации и национального характера, а также постигая моральную систему ориентиров, психологию народа и т.д. Особую роль в становлении личности, несомненно играют концепты персонажей, связанные с прецедентными именами *Иван-царевич* и *Иван-дурак*.

Распространённость имени Иван способствовало тому, что читатели или слушатели подсознательно ассоциировали себя с главным героем, к тому же, Иван является положительным героем, хотя и имеет прозвище *дурак*. Дурак в современном языке имеет явные негативные коннотации, что может вызвать некоторый когнитивный диссонанс: каким образом положительный герой, с которым читатель/слушатель себя отождествляет, может оказаться дураком. Дело в том, что можно найти по крайней мере два объяснения прозвищу «дурак». Во – первых, в крестьянской традиции называли ребенка именем лишь по достижении им 11- 13 лет, а до этого они зачастую носили детское имя, которое часто представляло из себя числительное: первый или первак, второй или вторак и т.д. Также существовал вариант «другак», что по одной из версий привело к появлению слова «дурак» и обозначало лишь несмышленного младшего сына. По другой версии, слово «дурак» обозначало не глупого человека в современном понимании этого слова, а что-то вроде экспериментатора, человека, который пытается попробовать что- то делать по-новому, не так как другие, то есть не такого как все. Кроме того, будучи «дураком» Иван не стремится к материальному достатку, что вызывает недоумение у других братьев, и, следовательно, такого человека называют дураком. Как бы там ни было, Иван –дурак никогда не показывает глупость или скудоумие, а зачастую является самым смекалистым и ловким героем. В целом, характеризуя концепт имени *Иван-Дурак*, можно сказать, что во - первых, это человек простого рода, *крестьянский сын, бычий сын, кухаркин сын*, во-вторых, это мечтатель, «дурак», не думающий о материальном, в третьих, он приходит к достатку благодаря везению и своему бескорыстию. Таким образом, такой герой появляется в множестве сказок, даже где не фигурирует прозвище «дурак», однако, всегда прослеживается модель поведения «дурака». Таким образом, на наш взгляд, прозвище «дурак» не соответствует современному значению дурак, так как в сказках, где Иван, все еще сын простого рода, однако единственный в семье, дураком не

называется, а может назваться *Иван- коровий сын* и т.д. Таким образом, прозвище коррелируется с происхождением и местом *Ивана* в роду.

Другим обозначенным нами прецедентным именем героя является *Иван – царевич*. Основные параметры данного героя — отношение к высокому сословию. Это обычно младший сын царя, красивый статный юноша, отважный и смелый, но в приключениях зачастую нуждается в посторонней помощи: «Слушай ты, друг мой любезный, серый волк! Сослужил ты мне много служб...» и т.д. Отношения по линии отец(царь) – Иван- царевич регулируется жесткой иерархией и Иван –царевич без пререканий выполняет любое задание отца. Традиционный клишированный сюжет для сказок с Иваном-царевичем состоит в том, что герой проходит испытания, совершает подвиги, поддерживаемый своими помощниками- животными и/или прекрасной возлюбленной, традиционно Еленой или Василисой, которая является «наградой» за подвиги. Если традиционно Иван-дурак выступает лишь в роли положительного персонажа, то Иван-царевич может существовать в двух ипостасях: как положительный персонаж и как отрицательный. В последнем случае, Иван выступает в роли антагониста главному герою, зачастую тоже Ивану, но не благородного происхождения, например, *Ивану- рыбацкому сыну*.

Сравнивая два мужских образа, можно говорить о том, что два различных паттерна поведения ведут к успеху и являются социально одобряемыми: для Ивана- дурака - это прежде всего бескорыстие, простота, а для Ивана- царевича - это послушание, смелость, милосердие. Таким образом отметим, что имя собственное предопределяет поведение героя сказок, так как упоминается в начале произведения и указывает нам, с каким архитипом героя мы будем иметь дело. Кроме того, для нашей работы важен концепт самого имени главного героя, который несомненно присутствует и является чем-то, что непосредственно связано с характерами и судьбой главных героев, ведь нет героя- «дурака» королевского происхождения.

Имена героинь, так как и имена героев имеет большое значение для повествования и являются большим, чем просто имя героя: оно влияет на поведение героя, его судьбу, а текст делает стилистически окрашенным, придает ему некоторую глубину и простор для фантазии слушателя-читателя. Имя содержит также оценочные характеристики, которые говорят нам что-то о героине, например, о происхождении (о чем мы упоминали выше): *Марья-царевна*, *Марья-Моревна*, если героиня королевского происхождения и *Марьюшка* или *Машенька*, если крестьянская дочка и т.д.

Концепты имен главных героинь сказок более разнообразны. В целом, прослеживая нити повествования во всех сказках можно выделить такие концепты главных героинь, как «мудрая дева», зачастую Василиса или Елена, «сирота-падчерица» обычно *Василисушка*, «дева-воин» *Марья – Моревна*, *Марья-царевна*. Выделяя данные архитипы героинь русских сказок, необходимо обратить внимание на концепты их имен, которые непосредственно связывают героя и его восприятие слушателями. Следует сказать, что не все женские персонажи имеют в составе имени прозвище, будь то *прекрасная*, *премудрая* или *царевна*. Зачастую героиня простого крестьянского рода не имеет дополнительного прозвища, однако происхождение героини, ее простота зачастую подчеркивается уменьшительно-ласкательным суффиксом: «*Жил старик со старухой. У них детей было двое: сынок Иванушка и дочка Аннушка.*» [Афанасьев, 1985: 240]; «*Жили-были дедушка и бабушка. Была у них внучка Машенька*» [Афанасьев, 1985:130]. Подобный речевой способ позволяет показать героя, как маленького, несмышленого, простого, обычного человека. Если в типах главных героев мужского пола мы в основном выделяли происхождение героя, что отражалось в его имени и характере, то для женских героинь происхождение, на наш взгляд, не является важнейшей характеристикой, однако, безусловно отражается на имени. Так, разделяя образы «девы-воина», богатырши и образ «царевны» стоит сказать, что важнее для этого

типа не происхождение, а участие в самом повествовании. Для подобных образов очень важным представляется указанное прозвище, обычно эпитет, употребляемый вместе с именем собственным. У женских персонажей наиболее часто встречаются эпитеты *прекрасная* и *премудрая*. Разница между *прекрасная* и *премудрая* заключается в следующем. «Премудрая» героиня помогает главному герою, который оказывается не так умен и обычно ее мудрость и ум позволяют выпутаться из сложной ситуации, пройти преграды на пути к свадьбе. «Прекрасная» же героиня не всегда помогает герою, но изначально присутствует в тексте и обычно ее красота и становится фактором, обуславливающие неприятности героев: «*Прошло несколько лет; Василиса выросла и стала невестой. Все женихи в городе присватываются к Василисе; на мачехиных дочерей никто и не посмотрит*» [Афанасьев, 1985: 340]; «— Я, — говорит, — хитра, а ты и меня хитрей!» [Афанасьев, 1985:401]. Несмотря на то, что оба имени обладают положительной коннотацией, можно говорить о том, что для русской культуры женская мудрость важнее красоты, так как красота несет за собой проблемы и несчастья, в то время как мудрость помогает из несчастья выбраться. Необходимость использовать прозвища- эпитеты обусловлено русской культурой названия, в которой большинство имен имеет этимологически греко- христианские корни: *Елена* – *солнечный свет*, *Василиса*- *царственная*, *Мария*- *служашая богу* [Суперанская, 2006]. Данные имена не находят соответствующего коннотативного отклика у носителей русского языка, так как являются этимологически греческими и в сказках, где существует необходимость наполнить имя дополнительным смыслом, используются вышеупомянутые прозвища. Иногда христианское имя используется совместно с языческим, например: имя героини- богатырши *Марьи- Моревны*, несмотря на христианские корни, имеет дополнительный эпитет *моревна* произошедший от слова *Мара*, имени языческой богини смерти, что заранее может дать слушателю некую информацию о героине, показать ее с

другой стороны, чем видится современным слушателям, далеким от языческих традиций [Иванов, 1987].

Таким образом, можно говорить, что концепт прецедентного имени играет важную роль для понимания места главного героя в сказках и дает читателю/слушателю некоторое понимание характера самого главного героя, в чем помогает и дополнительное прозвище. Имена *Иван* и *Марья* являются символом широкого круга прецедентных ситуаций, отраженных в русских народных сказках, а также фольклорных текстах в целом, которые актуализируются в сознании при восприятии этих имен.

2.3 Прагматический потенциал имен собственных в русских сказках

Русское культурное пространство отражает совокупность специфических лингвистических категорий, проецирующих духовную культуру народа. Ономастическое пространство русской народной сказки отражает коллективную языковую картину мира и значимо как сочетание культурных кодов, знаков, читаемых в контексте культуры как лингвокультуремы. К числу таких лексических кодов относятся прецедентные имена. Под прецедентными именами собственными мы понимаем имена, хорошо известные всем представителям национально-лингвокультурного сообщества, актуальные в познавательном и эмоциональном плане и обращение, к которым постоянно возобновляется [Караулов, 1987: 216].

Нами уже отмечен феномен сказочного антропонима как прецедентное имя. Прецедентное имя определяется как «своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не собственно к денотату, а к набору дифференциальных признаков данного

прецедентного имени» [Захаренко, 1997: 83]. Таким образом, считая, что сказочное имя является прецедентным именем, мы можем выделить следующий набор дифференциальных признаков имени: 1) происхождение (*царевич, королевич, крестьянский сын, бычий сын, царевна* и т.д.); 2) роль, род занятий (*Моревна, говоруха, сидень, кожемяка* и т.д.); 3) личностная характеристика (*бессмертный, прекрасная, премудрая, дурак, богатый* и т.д.)

Естественным представляется то, что один герой может совмещать несколько признаков, так как существует всего несколько архетипов героев, однако в конкретной сказке выделяется главный для повествования признак. Таким образом, сказочное имя, как имя прецедентное связано, во-первых, с широко известным текстом сказки, во-вторых, с ситуацией, в которую попадает носитель прецедентного имени и, наконец, само имя несет в себе набор эталонных качеств, варьирующихся в зависимости от конкретного архетипа героя и являющихся «культурным прецедентом» для носителя культуры [Горнакова, 2009: 230], [Черниченко, 2012: 171].

В целом ономастическое пространство русской сказки представлено мифонимами, топонимами и антропонимами. В русской народной сказке большая часть имен собственных представлено именно антропонимами, являющимися центральной ядерной частью имен собственных, остальные же группы имен являются менее используемыми и находятся на периферии. Данное явление обусловлено «антропоцентричностью мира как реального, так и ирреального». [Репринцева, 2011: 52]. Интересным фактом является то, что положительные герои обладают антропонимами, в то время как отрицательные герои зачастую именуется мифонимами, например: *Кощей-Бессмертный, Змей-Горыныч и Иван- Царевич, Василиса- Прекрасная*, что говорит о скрытом, доминировании человека или олицетворении победы идей православной церкви над пережитками языческого прошлого, так как большинство антагонистов связаны непосредственно с языческими мифами [Там же: 332].

Антропонимы, использующиеся в сказках, можно классифицировать следующим образом: 1) антропоним (*Ивашка, Марьюшка, Марья*); 2) антропоним и приложение-эпитет (*Иван-дурак, Василиса – Прекрасная, Иван-бычий сын*). На наш взгляд, необходимо также обратиться к именам нарицательным, которые широко представлены во всех русских народных сказках, например: *Дед, Бабка, Солдат, Братец, Сестрица, Дочка, Отец, Мать, Волк, Лисица* и т.д.

Как известно, ономастическая лексика в русском языке составляет универсальную оппозицию в системе имен существительных. В отличие от имен собственных, нарицательные имена обозначают не единичный, уникальный предмет, а общий класс предметов, объединённых общим набором признаков. Несмотря на то, что имена собственные и имена нарицательные по-разному указывают на предмет, четкой границы между ними нет, что и обуславливает наличие различных взглядов на данную лексику среди ученых-лингвистов. Отсутствие четкой границы влияет также на то, что слова могут переходить из одной группы существительных в другую. Основным необходимым условием перехода имени нарицательного в имя собственное является необходимость называть единичное явление взамен названия обобщённого явления, что позволяет выделить единичное среди остального. Таким образом, множество сказок обходится без имен собственных в прямом понимании этого явления, что отражается, например, в названии сказок: *«Мужик, медведь и лиса»*, *«Лиса, заяц и петух»*, *«Кот и лиса»*, *«Дочь и падчерица»*, *«Охотник и его жена»*.

В подобных сказках, герои обозначаются именами нарицательными, однако имеют свою индивидуальность, что справедливо как для героев-людей, так и для героев-животных. Отсутствие имени, по нашему мнению, связано с отсутствием необходимости в имени для главных героев, что позволяет нам утвердиться во мнении, что имя главного героя несет в себе действительно важное значение, так как, во-первых, существует

ограниченное лексическое поле имен, а во-вторых, имена употреблялись по мере необходимости, указывая на определенный архетип героя.

Как мы уже отмечали, имя героя сказки несет на себе сильную семантическую нагрузку, которую может осознать лишь носитель культурного кода и обозначает определённый концепт героя. Таким образом можно говорить о наличии прагматического потенциала имен собственных в русских сказках. Имена собственные, будучи элементами текста сказки, накапливают в себе контекстуальную информацию, так как имена, как мы уже выяснили, обозначают определенный концепт персонажа, энциклопедическую информацию, и сами по себе имена и прозвища имеют семантическое значение. Многократное употребление одних и тех же имен, при реализации их семантико- прагматических возможностей, составляют своеобразный скелет текста, основываясь на предыдущем опыте, связанным с именами героев. Следовательно, можно говорить о наличии специфических особенностей имен собственных в русских народных сказках.

Другой особенностью имен собственных является тематизация текста, так как проявляясь в заглавии сказки, имя собственное косвенно раскрывает сюжет и знакомит читателя с героями, например: *«Буря-богатырь Иван коровий сын»*, *«Жар-птица и Василиса-царевна»*, *«Сказка об Иване-царевиче, жар-птице и о сером волке»* и т.д.

К другой специфике имен собственных и примыкающих к ним именам нарицательным можно отнести их употребление в речи персонажей, что определяет отношение героев друг к другу. При обращениях имя собственное используется обычно как номинативная, характеризующая и фатическая функция:

1) — *Ну, Иван Быкович, будь ты большой брат.* (номинативная функция) [Иван Быкович]

2) «— *Сивко-бурко, вещей воронко!*» (характеризующая функция)
[Сивко-бурко]

3) «*Умирая, купчиха призвала к себе дочку, вынула из-под одеяла куклу, отдала ей и сказала: — Слушай, Василисушка!*» (фатическая функция)
[Василиса Прекрасная]

При выполнении любой из этих функций в обращении к герою могут проявляться экспрессивно-оценивающие оттенки, создающие стилистический эффект. Иными словами, можно говорить о именах собственных как о стилистическом инструменте в сказке:

«— *Что тебе, старушка, надобно?*» (пренебрежительно);

— *Изволь посмотреть сама, бабушка!* — *молвила Василиса.*
(уважительно) [Василиса Прекрасная].

Персонажи сказки, обращаясь к Бабе-Яге, называют ее по-разному и тем самым показывают свое отношение к ней. Таким образом, одной из важнейших особенностей имен собственных является их использование в качестве экспрессивно-оценивающей лексики, которая также может проявляться в самом наименовании персонажа, например, «Фролка-сидень», «Крошечка-Хаврошечка» и т.д.

В отличие от разговорной речи, в которой имена собственные в большинстве своем выполняют номинативную функцию, в фольклорных, а также и в художественных произведениях имена собственные формируют такие важные категории, как цельность текста, его связность и завершенность. В связи с этим можно говорить о том, что основным условием установления связей в тексте сказки является соотношение между именами собственными персонажей, в рамках установления между ними глобальных связей, которые являются понятными как автору, так и слушателю/читателю. Глобальная целостность текста, ключевым моментом которой является взаимозависимость входящих в нее элементов,

формируется последовательным использованием важных для линии повествования имен собственных. Кроме того, выполнение текстообразующих функций обусловлено несомненной эстетической значимостью имен собственных.

Суммируя вышесказанное, можно говорить о наличии у имен собственных героев русских сказок значительного прагматического потенциала, основанного на репрезентации в тексте именами собственными идилектных и энциклопедических знаний, а также экспрессивно-оценивающих функций, а также текстообразующих возможностей.

Выводы по ГЛАВЕ II

1. Наиболее существенными вопросами, касающимся имен собственных в языке, являются вопросы об отношении между именами собственными и именами нарицательными. Таким образом сложилось несколько мнений о разнице между именами собственными и нарицательными, среди которых важнейшими являются теории о том, что имена собственные и имена нарицательные имеют четкие разделительные границы, имеют нечеткие разделительные границы и вовсе не имеют границ. Однако присоединяясь к большинству исследователей, мы полагаем что имена собственные имеют четкие границы с именами нарицательными и обозначают единичный объект.

2. Имена собственные употребляемые в фольклорных произведениях следует рассматривать как имена, образованные на стыке реальных и вымышленных. Их использование в тексте, ведет к выполнению некоторых целей, среди которых, например, выработка определенного сказочного стиля повествования, передача информации о герое, соединение полотна произведения на микро- и –макроуровнях и т.д.

3. Фольклорные тексты, как важная часть исторического наследия и опыта народа, содержат культурный код и в именах главных героев, являющимися совокупностями пониманий этноса о положительных и отрицательных чертах характера, о морали, что, собственно, и заключается в имени изначально.

4. Было выяснено, что большинство имен главных героев русских сказок являются прецедентными и не просто повторяются от текста к тексту, но несут в себе один из архетипов героя, то есть продолжая нить повествования от предыдущей сказки или ставя того же самого героя в новую сюжетную линию.

5. Имена собственные в русских сказках имеют особый прагматический потенциал. Во-первых, имена собственные в русских сказках несут сильную семантическую нагрузку. Во-вторых, имена собственные участвуют в тематизации текста. Кроме того, употребление имен собственных ярко указывают на отношения между персонажами сказки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Различия в подходах к определению имени собственного обуславливается тем, в каком направлении работает исследователь, дающий определения. Например, доминирующим направлением в лингвистике во второй половине XX века в России был функционализм, в рамках которого и рассматривались онимы. Несмотря на разнообразие взглядов на понимание имен собственных, исследователи сходятся в следующем:

- 1) Имена собственные являются объектами языкознания и являются единицами языка.
- 2) Имена собственные являются номинативами и субстантивами.

3) Специфические особенности имен собственных находятся в сфере функциональности и семантики.

4) К основным функциям онимов относят: номинативную, идентифицирующую, дифференцирующую.

5) К второстепенным функциям онимов относят: социальную, эмоциональную, аккумулятивную, дейктическую, функцию «введения в ряд», адресную, эстетическую, стилистическую.

6) Функция имени собственного вторична по отношению к имени нарицательному.

Фактическим материалом представленного исследования послужили фольклорные произведения под редакцией Аникина В. П., Афанасьева Н. А., Ончукова Н.Е. и другие, на основании которых были сделаны следующие выводы:

1) Наиболее популярным мужским именем героев русских народных сказок является *Иван*, в более 80% сказок фигурирует именно оно, затем Емеля и Василий и др.

2) Текст русской сказки является инвариантной единицей, которая реализуется в речи как конкретный сюжетный вариант.

3) Наиболее популярными женскими именами героинь русских сказок является *Марья, Василиса, Елена*.

4) Наличие множества «*Иванов*» объединяет существование определённых универсальных наборов характеристик, что позволяет выделить два архетипа героя, которые можно обозначить как архетип Ивана-дурака и архетип Ивана-царевича.

5) Среди героинь выделяются такие архетипы, как: «сиротка-падчерица», «дева-воин», «колдунья», «богатырша» и «царевна».

Рассмотрев корпус русских народных сказок, нами были выделены некоторые прагматические, семантические и другие функциональные особенности имен собственных, на основании чего можно выделить следующее:

1) Сказочный антропоним является прецедентным именем, то есть таким именем, которое связано с известным текстом, со сказочной ситуацией и указывает на совокупность качеств, являясь именем- символом.

2) Сказочное пространство ономастической лексики широко представлено мифонимами, топонимами и антропонимами, однако последние наиболее распространённые, что указывает на изначальную антропоцентричность русских сказок.

3) Наиболее частыми прагматическими функциями имен собственных в русской народной сказке является номинативная функция, характеризующая и фатическая, при этом может проявляться и экспрессивно- оценочная и стилистическая функции.

4) Для русской народной сказки характерен переход имен нарицательных в имена собственные, при котором также создается архетип героя, однако такой архетип, ввиду отсутствия непосредственного имени, не обладает яркими характеристиками и в основном служит лишь поводом для повествования.

5) Имя собственное в отличии от имени нарицательного, которое перешло в группу имени собственного, проявляет текстообразующую функцию в формально-грамматической связности дискурса.

На основании вышеуказанных прагматических особенностей можно сделать вывод, что имена собственные героев русской сказки играют важную роль для повествования, являются единицами, несущими в себе ряд важных культурологических аспектов. Причем, эти аспекты проявляются настолько ярко и ясно в сознании носителя русского культурного кода, что

используются лишь тогда, когда они действительно необходимы для повествования. Сказки для русского народа являются неким комплексом морально-этических норм, усваиваемых с самого раннего детства, а имена главных героев обладают возможностью добавлять в ткань повествования некий глубинный смысл, представляя собой олицетворение всего того, что желает видеть русский народ в своём герое.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азадовский М.К. История русской фольклористики. - М.: Учпедгиз, 1958—1963. Т. 1—2. Т. 1. 1958. 458 с. Т. 2. 1963.- 363 с
2. Аникин В.П. Гипербола в волшебных сказках. В кн.: Фольклор как искусство слова. Вып.3.- М.: 1975. 244 с.
3. Аникин, В.П. Теория фольклорной традиции и ее значение для исторического исследования былин Текст. / В.П. Аникин. - М.: Изд-во МГУ, 1980. -332 с.
4. Апресян Ю. Д. Избранные труды. М., 1995. Т. 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. - М.: 472 с.
5. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. 352 с.
6. Артеменко Е. Б. Фольклорное текстообразование и этнический менталитет / Е. Б. Артеменко // Традиционная культура: науч. альманах. – 2001. – № 2 (4). – С. 11 –17.
7. Арутюнова Н.Д. Номинация и текст. В кн.: Языковая номинация (виды наименований) - М.: Наука, 1977. - С.304-357.
8. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл /Н. Д. Арутюнова. - М., 1976. — 383 с
9. Аскольдов-Алексеев, С.А. Концепт и слово / С.А. Аскольдов-Алексеев // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. - М.: Academia, 1997. – 350 с.
10. Астахова, А.М. Былины. Итоги и проблемы изучения Текст. / А.М. Астахова. М.-Л.: Наука, 1966. - 292 с.
11. Бабаева, Е. В. Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой аксиологических картин мира: Волгоград, 2004. 40 с.
12. Балли, Ш. Язык и жизнь / Ш. Балли. / пер. с фр.; вступит. статья В.Г. Гака. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 232 с

- 13.Бахтина В.А. Время в волшебной сказке. // Проблемы фольклора. -М., 1975. -С. 157-163.
- 14.Бахтина В.А. Пространственные представления в волшебных сказках. // Фольклор народов РСФСР. Уфа, 1974, вып.1. - С. 81-91.
- 15.Бенвенист Э. Общая лингвистика. –М.: УРСС, 2002. –448 с.
- 16.Богатырев, П.Г. Язык фольклора Текст. / П.Г. Богатырев // Вопросы языкознания. 1973. -№ 5. - С. 106-116.
- 17.Болотов В.И. К вопросу о значении имен собственных. // Восточнославянская ономастика. М., 1972, -С.333-345.
- 18.Бондалетов, В.Д. Русская ономастика / В.Д. Бондалетов. – М.: Просвещение, 1983. – 224 с
- 19.Булгаков С. Н. Философия имени. - СПб.: Наука, 1999. 368 с.
- 20.Булгаков С.Н. Свет невечерний. - М.: «Республика», 1994 г. 416 с.
- 21.Буров, А.А. Формирование современной русской языковой картины мира (способы речевой номинации): Филологические этюды / А.А. Буров. - Пятигорск: Изд-во ПГЛУ. - 2010. - 304 с.

- 22.Ведерникова Н.М. Русская народная сказка. М.: Наука, 1975.135с.
- 23.Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание Текст. / А. Вежбицкая. — М.: Русские словари, 1996. 416 с.
- 24.Вежбицкая, А.Понимание культур через посредство ключевых слов[Текст] / А. Вежбицкая. - М.: Языки славянской культуры, 2001. - 288 с.
- 25.Венгранович М. Фольклорный текст в аспекте специфики фольклорной эстетической макросферы // Научно-культурологический журнал. – 2006. – № 18. [Режим доступа: <http://www.relga.ru>]
- 26.Верещагин, Е. М. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного: метод. руководство / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – 4-е изд., доп. и перераб. – М.: Рус. яз., 1990. – 246 с
- 27.Вернадский В. И. Живое вещество. М.: Наука, 1978. 358 с.
- 28.Виноградов, В.В. О языке художественной прозы: Избр. тр. / В.В. Виноградов. - М.: Наука, 1980. - 360 с.
- 29.Волков Г.Н. Этнопедагогика. - М.: Издательский центр «Академия», 1999. - 168 с.
- 30.Воробьев В.В. Теоретические и прикладные аспекты лингвокультурологии:- М. 1996. 395 с.
- 31.Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент фундаментальной прикладной (педагогической) модели языка- М.: МГУ, 2000 г. 656 с.

32. Гак В. Г. Русская динамическая языковая картина мира. // Русский язык сегодня. Вып. 1. М., 2000. 276 с
33. Гак В. Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики. М., 1973. 372 с.
34. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. - М., 2016. - 144 с.
35. Гацак, В. М. Сказочник и его текст // Проблемы фольклора. - М. 1975. - С. 44-53.
36. Герасимова Н. М. Формулы русской волшебной сказки (к проблеме стереотипности и вариативности традиции традиционной культуры) // Советская этнография. М., 1978, № 5, - 430 с.
37. Гоббс Т. Сочинения в 2 т. Основания математики. Т. 1. М. Мысль, 1989. - 622 с. - (Филос. насл. Т. 107.) - С. 66-218.
38. Головин В. В. // Сохранение и возрождение фольклорных традиций: Русский фольклор в инокультурном окружении. М., 1995. - С. 14-23.
39. Горнакова Л. Ю. Поэтическое имя: опыт лингвокультурологического анализа. Иваново, 2009. 235 с.
40. Гуллакян С. А. Мотивы и реалии волшебных сказок: количественный анализ. В кн.: Фольклор. Проблемы тезауруса. М., «Наследие», 1994. - С. 63-67. 197
41. Данилина Е. Ф. К вопросу о лексическом значении личных имен. // Лексика и словообразование русского языка. Пенза, 1972. - С. 6-15.
42. Демьянков В. З. *Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода* // Вопросы языкознания, 1994. № 4. С. 17-33.
43. Залевская А. А. Введение в психолингвистику. М: МГУ, 1999. 348 с.
44. Захаренко И. В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов. Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. - М.: 'Филология', 1997. Вып. 1. - 192 с.
45. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 368 с.
46. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998. 528 с.
47. Зуева Т. В. О жанровом выделении волшебной сказки в восточнославянском повествовательном фольклоре // Сказка и несказочная проза. - М., 1992. С. 24-49.
48. Иванов В. В. О взаимоотношении динамического исследования эволюции языка, текста и культуры // Исследования по структуре текста. М., 1987. С. 353
49. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. - М., 2002. 264 с. 38

50. Карпенко М.В. Ономастика в художественной литературе // Ономастика. Проблемы и методы. / Отв. ред. А.В. Суперанская. М., 1976.
51. Карпенко, Ю.А. Имя собственное в художественной литературе / Филологические науки. – 1986. – № 4.
52. Кербелите Б.П. Сюжетный тип волшебной сказки // Фольклор. 1984. Образ и поэтическое слово в контексте. М.: наука, 1984. 315 с.
53. Кибрик А. Е. Константы и переменные языка. СПб.: Алетейя, 2007. 661 с.
54. Климкова Л. А. Нижегородская микропонимия в языковой картине мира; Московский пед. гос. ун-т. - Москва ; Арзамас : АГПИ, 2007. - 394 с.
55. Колшанский, Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке / Г. В. Колшанский. - М.: Наука, 1975. - 229 с
56. Кравцов Н.И., Лазутин С.Г. Русское устное народное творчество. -М., 1983.-446 с.
57. Круглов. Ю.Г. Русское народное поэтическое творчество. М.: Высш. шк., 1986. 389 с.
58. Кубрякова Е. С., Азнаурова Э.С., Телия В. Теория номинации и словообразование // Языковая номинация. Виды наименований. М.: Наука, 1977. 360 с.
59. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира - М.: Языки славянской культуры, 2004. -560 с.
60. Кухаренко В.А. Имя заглавного персонажа в целом художественном тексте // Русская ономастика. Одесса, 1984. - С. 109-117.
61. Левинтон Г. А. К проблеме изучения повествовательного фольклора. // Типологические исследования по фольклору. М., 1975. - С.303-316.
62. Лейбниц Г.В. Сочинения в четырех томах. М., 1982. Т. 1. С. 242
63. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. М., 1997. 824 с.
64. Лосев А. Ф. Философия имени // Лосев А. Ф. Бытие имя космос / Сост. иред. А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1993. С. 627-801.
65. Магазаник Э. Б. Ономапозитика или «говорящие имена» в литературе. - Ташкент: Фан, 1978. 146 с.
66. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. -5-е изд. - М.: Флинта: Наука, 2011. -296 с.
67. Медриш Д.Н. Литература и фольклорные традиции. Саратов, 1980. - 296 с.
68. Мелетинский Е.М. Герой волшебной сказки: происхождение образа. - М.: Изд. вост. лит., 1958. -263 с.

- 69.Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик Е.С., Сегал Д.С. Проблемы структурного описания волшебной сказки. В кн.: Семиотека. Труды по знаковым системам. IV, Тарту, 1969, с. 86-135
- 70.Мелетинский, Е. М. Герой волшебной сказки. Происхождение образа, изд. восточной литературы. - М.: 1958, 263 с.
- 71.Меркулов И.П. Когнитивная наука // Новая философская энциклопедия в четырех томах. Т.2. - М.: 2001. 264 с.
- 72.Мечковская Н. Б. М 55 Язык и религия - М.:Агентство «ФАИР», 1998.— 352 с.
- 73.Милевская, Т. В. Грамматика дискурса / Т. В. Милевская. – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 2003. – 311 с.
- 74.Милль Дж.Ст. Система логики силлогистической и индуктивной. - М.: ЛЕНАНД,2011. - 832 с.
- 75.Морозова М.Н. Антропонимия русских народных сказок // Фольклор. Поэтическая система. - М., 1977. С. 231-241.
- 76.Никитина С.Е. Концепт судьбы в русском народном сознании (на материале устнопоэтических текстов) // Понятие судьбы в контексте разных культур. - М.: 1994,-С. 130-136.
- 77.Никифоров А.И. Сказка, ее бытование и носители // Капица О.И. Русские народные сказки. – М.: 1930. 410 с.
- 78.Никонов В.А. Имена персонажей. В кн.: Поэтика и стилистика русской литературы. - Л.: 1971. - С. 404-416.
- 79.Новиков Н. В. Образы восточнославянской волшебной сказки. - Л., 1974. - с. 12.
- 80.Оссовецкий И. А. О языке русского традиционного фольклора / И. А. Оссовецкий // Вопросы языкознания. – 1975. – № 5.– С. 66 – 78.
- 81.Оссовецкий И.А. О языке русского традиционного фольклора. // Вопросы языкознания. 1975, №5. С. 66-77
- 82.Оссовецкий И.А. Язык фольклора и диалект // Основные проблемы эпоса восточных славян. - М.: 1958. 320 с.
- 83.Оссовецкий, Н.А. Некоторые наблюдения над языком стихотворного фольклора Текст. / И.А. Оссовецкий // Очерки по стилистике художественной речи. - М.: 1979. – 252 с.
- 84.Падучева Е.В. Семантические исследования. - М.: Языки русской культуры, 1996. - 464 с.
- 85.Погосова Н.М. Погружение в сказку. - Спб.: Речь; 2006 г. 208 с.
- 86.Померанцева Э.В. Судьбы русской сказки. - М.: Наука, 1965. ~220 с.
- 87.Померанцева Э.В. Некоторые особенности русской пореформенной сказки // Советская этнография. – 1956.– № 4.– 345 с.
- 88.Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. - М.: АСТ: «Восток-Запад». 2007 . - 315 с.

89. Пропп В. Я. Фольклор и действительность: избранные статьи. - М.: Наука, 1976. 326 с.
90. Пропп В.Я. Исторические корни Волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2009 - 274 с.
91. Пропп В.Я. Трансформации волшебных сказок // Русская волшебная сказка. - М.: 1992. 475 с.
92. Пропп В.Я. Морфология сказки. - М.: 1969- 152 с.
93. Путилов Б.Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора - М.: РГБ, 1976. 242 с.
94. Рассел Б. Человеческое познание: его сфера и границы. - М.: ТЕРРА — Книжный клуб; Республика, 2000. — 464 с.
95. Резниченко А.И. Категория Имени и опыты онтологии: Булгаков, Флоровский, Лосев // Вопросы философии. 2004. No 8. С. 134-144.5.
96. Репринцева Н.И. Прецедентные имена в ономастическом пространстве английской народной сказки // Вестник Университета Российской Академии образования, No2, 2011, с. 51-549.
97. Репринцева Н.И. Прецедентные антропонимы и их семантика (на примере английской народной сказки) // Теория и практика общественного развития, No 4, 2011, с. 334
98. Рошияну Н. Традиционные формулы сказки. М.: Восточная литература, 1974. - 216 с
99. Сабитова З.К. Лингвокультурология: учебник/ З.К. Сабитова. – М.: Флинта: Наука, 2015. – 528с.
100. Самосенкова Т.В. Культура профессионального общения в системе подготовки специалистов-филологов для зарубежных стран: Монография – Белгород: ИПЦ «ПОЛИТЕРРА», 2008. – 352с.
101. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс; Универс, 1999. – 654 с.
102. Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. М.: Наука, 1988. - 242 с.
103. Сими́на Г.Я. Языковые средства экспрессии в народных сказках. По материалам пинежских сказок. В кн.: Язык жанров русского фольклора. -Петрозаводск, 1977. С. 102-113.
104. Соколов Ю.М. Русский фольклор. М., 1941. - 557 с.
105. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997. 825 с.
106. Степанов Ю.С. Понятие // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. 420 с.
107. Токарев Г. В. Лингвокультурология: — Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2009. – 135 с.

108. Толстой Л. Н. Собрание сочинений в 22 томах. М.: Художественная литература, 1982. Т. 10. С. 542
109. Ушаков Н.Н. Прозвища и личные неофициальные имена (к вопросу о границах прозвищ). В кн.: Имя нарицательное и собственное. М., 1978. - С.146-172.
110. Фесюкова Л.Б. Воспитание сказкой. -: АСТ; 2000 г. 38 с.
111. Филлмор Ч. Дело о падеже. Пер. с англ. // Новое в зарубежной лингвистике: М. 1981.
112. Флоренский П.А. Имена. //Мал. собр. соч., вып. 1. - М.: «Купина», 1993.-316 с.
113. Флоренский П.А. У водоразделов мысли. - М.: «Правда», 1990. 330, с. 267, с.
114. Флоренский П.А. Имена //Социологические исследования. М., 1988. №6. 116 с.
115. Фонякова О. И. Имя собственное в художественном тексте. - Л.: ЛГУ, 1990. 104 с.
116. Фонякова О.И. Имена собственные в языке и художественной речи. // Вестник Ленинградского университета. Серия: История. Язык. Литература. 1974. - Вып. 1. №2. - С. 104-108.
117. Формановская Н. И. О коммуникативно-семантических группах и потенциальной семантике их единиц высказывания. - М. 2000.- 360 с.
118. Хрисипп / А. А. Столяров // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / пред. науч.-ред. совета В. С. Стёпин. — 2-е изд., исп. и доп. — М.: Мысль, 2015.
119. Хроленко А. Т. Основы лингвокультурологии: учеб. пособие / А. Т. Хроленко. – М.: Флинта: Наука, 2014. – 184 с.
120. Черниченко С. В. К вопросу о переводе прецедентных феноменов в публицистическом тексте // Молодой ученый. - 2012. - №6. - С. 284-286.
121. Шмелева, Т. В. Субъективные аспекты русского высказывания. М.: 1995. 340 с.
122. Юдин, Ю.И. Дурак, шут, вор и черт; отв. ред. В.Ф. Шевченко. – М. : Лабиринт, 2015 г. 336с.
123. Юргина, Н. Мировоззрение и картина мира. 2013 г. [электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.psy-help.ru/news/art-193.html> (дата обращения: 10.02.2017).
124. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира: модели пространства, времени и восприятия. М.: Гнозис, 1994. 343 с.
125. Breal M. The beginning of semantics. – Stanford, 1991.361 p.
126. Christophersen P. The articles: a study of their theory and use in English.Copenhagen-London, 1939. 245 p

127. Kertesz A. SprachealsKognition – Spracheals Interaction. – Frankfurt a. M., 1995. – S. 101-136
128. Schwarz-Friesel M. KognitiveLinguistikheute – MetaphernverstehenalsFallbeispiel// Deutsch alsFremdsprache. – 2004. – №41. – S. 83-89

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – 4-е изд., стереотип. – М.: Комкнига, 2007. – 576 с
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. Текст. / В.И. Даль. - М.: А/О Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. -Т. 1-4. 844 с.
3. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина. Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. Под общей редакцией Е. С. Кубряковой. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – 245 с.
4. Ончуков Н.Е. Словарь областных слов / Н.Е. Ончуков // Северные сказки. Сборник Н.Е. Ончукова: в 2-х т. СПб., 1998.-Т.1. 468 с.
5. Суперанская А. Словарь русских личных имен. - М.: Эксмо-пресс. Серия: Библиотека словарей РАН. 2006 г. - 544 с
6. Ушаков — Толковый словарь русского языка: в 4-х т. Текст. / под ред. проф. Д.Н. Ушакова. - М.: ТЕРРА, 1996. - Т. 1-4. 844 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

1. Аникин В.П. Русская народная сказка. - М.: Худ. лит., 1984. 174 с.
2. Аникин В.П. Русский богатырский эпос. - М., 1964. - 191 с.
3. Афанасьев А. Н. Народные русские сказки не для печати. М.: Ладомир, 1998. 736 с.
4. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3-х т. Текст. / изд. подгот. Л.Г. Бараг, Н.В. Новиков. -М.: Наука, 1984-1985. - Т. 1-3. 576 с.
5. Белкин Ф. Сказки, записанные в Тимском уезде. // Труды Курского губернского статистического комитета. Вып. 1. - Курск, 1863. - С. 518-542.
6. Гильфердинг А.Ф. Онежские былины, записанные, в 3-х т. Текст. / 2-е изд. СПб.: Типография императорской АН. -Т. 1-3. 732 с.

7. Гончарова А. В. «Золотые зерна»: Сказки, легенды, предания, мемуарные рассказы Тверского края. — Тверь: Русская провинция, 1999. — 344 с.
8. Дуркин Т. С. Былины Печоры: в 2-х т. Текст. // Свод русского фольклора. Серия «Былины». — СПб.: Наука; М. : Издательский центр «Классика», 2001. Т. 12. 772 с.
9. Кирдан Б. Н. Баллады. Текст. / сост., подг. текстов и коммент.; вступ. ст. А. В. Кулагиной. - М.: Русская книга, 2001. 352 с.
10. Ончуков Н.Е. Северные сказки в собрании Н. Е. Ончукова – М.:Наука, 2008. 754 с.